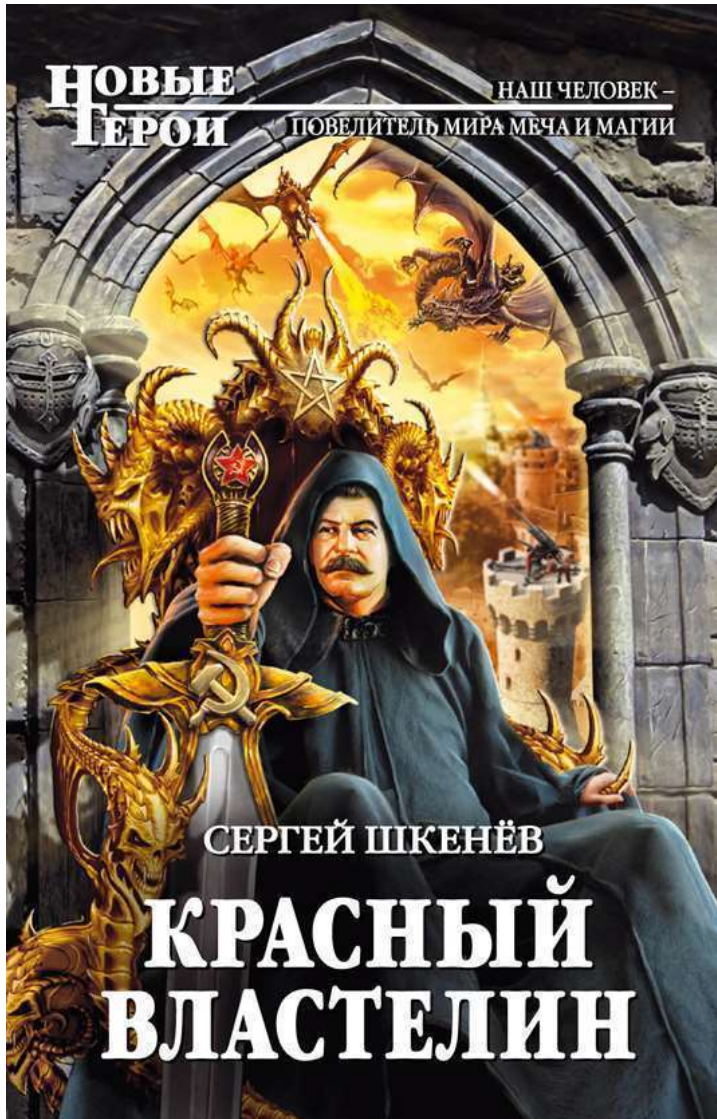

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

НАШ ЧЕЛОВЕК –
ПОВЕЛИТЕЛЬ МИРА МЕЧА И МАГИИ

СЕРГЕЙ ШКЕНЁВ

КРАСНЫЙ ВЛАСТЕЛИН

Сергей Шкенёв

Красный властелин

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7161160

Сергей Шкенёв. Красный властелин: Яуза, Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-71678-4

Аннотация

Такой книги еще не было! Самый неожиданный поворот вечного сюжета о «попаданце». После смерти в нашей реальности И.В. Сталин возрождается в параллельном мире Меча и Магии.

Общенародная Держава против аристократической Империи! Красная Армия против боевых драконов-людоедов! Сможет ли Красный властелин в белом кителе с одинокой Золотой Звездой превратить магическую войну в Отечественную и вновь привести народ к Великой Победе?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	37
Глава 3	58
Глава 4	78
Глава 5	101
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Сергей Шкенёв

Красный властелин

Пролог

Старый человек сидел у камина. Его лицо укрыто капюшоном, и только отблески живого огня пляшут в прячущихся в густой тени жёлтых глазах. Когда-то жёлтых глазах. Какие они теперь? Да кто же знает... наверное, такие и остались, если не выцвели от времени.

А зеркала он не любил. Давно не любил. С тех самых пор, как в полированной бронзе отразилось незнакомое лицо. Или недавно... что значат несколько сотен лет для бессмертного владыки? Нет, Владыки! Именно так, с большой буквы. Имени больше нет, есть это звание. Или должность? Всё равно...

Рука сама тянется за трубкой. Старые привычки берут своё, сообщая об окончании отпущенного природой срока. И лицо, скорее всего, становится похожим на того, которым был когда-то. Кем запомнили. Вот и приходится прятаться под капюшоном, и в первую очередь от себя.

Да, от себя, от кого же ещё. У проверенных товарищей из Совета вопросов не возникнет – они привыкли к мысли, что однажды Владыка изменится. Неизвестно только, при их

жизни это произойдёт или нет. Но произойдёт обязательно.

— А ведь здесь люди тебя не боятся, да? — человек привык разговаривать сам с собой и не ждал ответов. — Кто-то любит, кто-то уважает, но не боятся. Да, этого нет. Если только пиктийцы?

Пиктия. Извечный соперник и откровенный враг. Светлая Империя, построенная на магии, дарованной их чёртовым Благим Вестником, чтоб он молитвой подавился, дада шени... Подчинённая единственной цели — править миром. Вот так скромненько и со вкусом. С привкусом крови на разбитых в непрекращающейся войне губах. И эта война закончится только тогда, когда кто-то из двух её участников будет уничтожен. Иного не дано.

Пока общий счёт в пользу Родении, но успех предыдущего Владыки так и не удалось повторить — тогда войска почти подошли к вражеской столице. Увы, но «почти» не считается... именно тогда и произошло событие, о котором человек у камина предпочёл бы никогда не вспоминать.

Но и забыть нельзя. Проклятая память. Абсолютная память человека, живущего вечно. Человека ли?

«Из записей Эрлиха Роденийского.
Совершенно секретно. Хранить вечно.

Первый день Великого Замещения.

«Нужный человек найден. Я не верю в бога, но он ви-

дит, сколько сил отнимают эти поиски. Сколько было отсеяно? Пять тысяч, шесть, восемь? Выбирать пришлось единственного. Ошибка равна смерти. Моей смерти и государства, мной созданного. Какое нынче по счёту замещение? Тринадцатое. Был бы суеверным, заплевал бы всё вокруг. Смеюсь. Это нервное.

И начнётся новый круг длиной в девяносто лет. Больше нельзя – опыты на пленных пиктийцах показали, что на девяносто первом году происходит резкое изменение структуры мозга с перерождением его в неизвестную субстанцию. Разумную соплю, способную существовать независимо от тела. Вот уж чем не хочу стать, так это соплёй.

Доставлены Камни. Судьба пиктов, задействованных в операции, пусть решается адептами Триады. Кстати, в кого они такие кровожадные? Фанатики – даже от собственных имён отказались, назвавшись Умом, Честью и Совестью. Каждому по прозвищу. Смешно».

Второй день Великого Замещения.

«Кандидат жив и здоров, хотя печать смерти отчётливо видна. Будет убит приближёнными? Достойная гибель – редко кому из великих удаётся умереть от старости. В его мире странные и смешные названия. Разве может резиденция правителя называться «дача в Кунцево»? Впрочем, в иных мирах и не такое встречается, этот не из худших. Кое в чём и лучший, если признаться честно.

Сегодня подходил к зеркалу. Страшно. Не удивлюсь, если скоро начнут пугать детей моим именем. Именем Эрлиха Белоглазого. Так всегда перед Замещением, ведь глаза – это зеркало души, и старая потихоньку уходит в ничто, освобождая место новой.

Камни силы начали светиться. Хороший знак. Становлюсь суеверным? Они каждый раз так светятся.

Узнал о казни пленных. Шесть тысяч человек одновременно. Нет, определённо власть портит людей. И меня тоже.

Вечером по времени своего мира кандидат ужинал с приближёнными. Микоян и Каганович, несмотря на смешные имена, похожи на пелейцев. Остальных не отличить от родезийцев. Неужели наши миры настолько тесно связаны?»

Третий день Великого Замещения.

«Вчера решил последовать примеру кандидата и пригласил на трапезу адептов. Сегодня об этом жалею – болван, называющий себя Светочем Ума, опрокинул бутылку ракии и забрызгал Зеркало Времён. Убью скотину. Как-нибудь потом убью.

Пропустил момент, когда моего кандидата отравили. И как только успели? Лежит без сознания. Врачи разводят руками, пытаются хоть что-то сделать, но боятся сказать про яд. Это судьба.

Ещё несколько дней, и его душа уйдёт в круговорот времён, чтобы появиться здесь. Всё готово к Замещению, дело

за малым. Энергия смерти такого человека даст мне следующие девяносто лет.

Свет от камней виден уже и днём».

Четвёртый день Великого Замещения.

«Небольшие неприятности – пиктийский император Альбин ввёл войска в Глорхию. Немытых кочевников не жалко, но такое усиление противника не ко времени. Ответные меры решено принимать после завершения обряда.

Кандидат не приходит в сознание. Началось разрушение печени и судороги. Неужели Зеркало Времён ошиблось и смерть наступит раньше указанного печатью срока? Приближённые правителя лишь мешают лекарям. И кто-то из них делает это сознательно.

К сожалению, от меня ничего не зависит. На всякий случай попробую вывести Камни на полную мощность чуть пораньше».

Пятый день Великого Замещения.

«Нагнал на себя страху. Это нервное. Напрасно беспокоился – Зеркало не может ошибаться, и есть три дня в запасе. Теперь думаю, как удержать силу Камней. Торопливость и мнительность до добра не доведут.

На всякий случай приказал привести в боевую готовность пограничную стражу. Не хотелось бы, чтобы получилось как у моего кандидата.

Адепты волнуются. Не беспокоятся, а именно волнуются за себя. И немного боятся. Неужели пронюхали про судьбу прошлого Совета, отправленного на каменоломни восемьдесят девять лет назад? Это вряд ли, но всё равно их мрачные рожи мешают спокойно работать».

Шестой день Великого Замещения.

«Впереди двое суток по времени того мира. Успеваю. Беспокоит непонятное мерцание Камня на северном луче знака Замещения, или такое бывало и раньше? Не помню. Абсолютная память бессмертного человека, и всё равно не помню. Глупая привычка уничтожать записи предыдущих обрядов. Эти постараюсь сохранить. А сопли, получившиеся из пиктийских мозгов в результате опытов, нужно отправить обратно в Пиктию. Прямо сейчас и распоряжусь. Шучу. Хотя... почему бы и нет?

Зеркало Времён покрылось паутинкой мельчайших трещин. Проклятье... ещё ни одно не выдерживало больше двух обрядов. Ладно, сделаю новое. Потом, когда появятся свободные пять лет на его изготовление».

Седьмой день Великого Замещения.

«Они его убили. Им наплевать на предсказание печати смерти! Ублюдки... один укол, и всё!

У меня всего час в запасе. И беспокоит северный Камень. Но я успею. Я буду жить! Жить вечно!

А того человека всё же жалко. Усталого человека с одинокой золотой звездой на левой стороне белого мундира.

Прощай, человек. И здравствуй!»

Опять блеснули огоньки в тени надвинутого на лицо капюшона. Человек молча смотрел на пляшущее в камине пламя. Как всегда в этот день. В покинутом много веков назад мире сегодня пятое марта всё того же тысяча девятьсот пятьдесят третьего года.

Рука сгребла со стола пожелтевшие листы. Они совсем ветхие и могут рассыпаться даже от неловкого движения. Пусть... пусть летят в огонь. Кому нужны записи неудавшегося Замещения?

Впрочем, неудавшегося не для всех. Правда, Эрлих Белоглазый постарался бы оспорить это утверждение, но где и в каких мирах искать его заблудившуюся душу, выбитую из тела новым жильцом? Да и кто теперь помнит прошлого Владыку? Есть только один, он же и прошлый, и настоящий, и будущий.

Великого Замещения тоже нет, но знать об этом никому не нужно. Теперь всё проще. Не лучше, но проще. И Зеркало Времён рассыпалось, а новые не хотят показывать иные миры. Эрлих Белоглазый унёс секрет изготовления. Навсегда?

Остались Камни. Проклятые Камни, сами выбирающие кандидата. Уже не для Великого Замещения, которого нет и не будет. Выбирают добровольца, готового отдать душу Ро-

дении и Владыке. Именно в таком порядке, ибо страна важнее.

И до наступления этого момента ровно четыре года. А это даже для бессмертного очень много. Почти вечность.

Тихий шёпот за дверью. Чуткий слух, от возраста не потерявший остроту, ловит разговор трёх человек. Голоса знакомы, да и других здесь быть не может. Всё те же адепты Ума, Чести и Совести – служители Триады, заменившей в Рождении богов. Не их упоминал в записях Эрлих Белоглазый – от тех только прозвища и остались. Уже не прозвища, уже названия должностей.

Не хотят беспокоить задумавшегося Владыку? Что за новости принесли? Послушаем?

– Я не понимаю смысла маневров, затеянных пиктийцами, – голос сопровождается позвякиванием отнюдь не парадных доспехов. – Хаотичная переброска драконирских полков вдоль границы выглядит глупостью, товарищи, но таковой не является. Кстати, мне кто-нибудь объяснит причину остановки противодраконных метателей?

Это Зерцало Чести – вояка без страха и упрёка, которого одинаково легко представить как за рычагами бронированного «Левиафана», так и принимающего парад на белом коне.

– С остановкой мы разбираемся и не исключаем возможность саботажа.

Адепт Совести, отвечающий за разведку, контрразведку и порядок внутри государства. Называет себя Недрёманным Оком совести. С недавних пор стал жаловаться на слабость зрения и носит на носу круглые очки в тонкой стальной оправе без дужек. Как там они называются у легойцев? Пенсне?

Ум молчит, он всегда немногословен. Изобретатель, учёный, поэт, бывший старший сотник пластунского полка, чьим именем пиктийские матери пугали своих детей. Нет, вроде тоже решил высказаться:

– А не стоит ли нам, товарищи, запустить слух о начале Великого Замещения?

– А смысл?

– Он в неофициальном перемирии, соблюдаемом на время обряда. Пикты хорошо помнят, что случается, если его нарушить.

– Что нам дадут несколько дней?

– Начнём скрытую мобилизацию.

– С каких это пор ты начал интересоваться армейскими вопросами? – ухмыльнулся вояка. – Не иначе небо упало на землю.

– Заткнись, – мягко посоветовал адепт Совести. – В этом предложении есть смысл. Кто сообщит о нём Владыке? Что, опять мне отдуваться за всех?

Глава 1

На неизвестном перекрёстке неизвестных дорог шёл бой. Один из многих боёв, полыхающих сейчас по всей линии северо-западной границы Родении. И для кого-то он стал последним.

Фух-х-х!

Очередной клубок пламени, расплескавшийся о бруствер окопа, заставил рядового Еремея Баргузина ещё сильнее вжаться в раскалённую каменистую землю. Вжаться, матерясь от ненависти и поганого чувства бессилия хоть как-то помешать происходящему. Когда над тобой, встав в атакующий круг и порой едва не задевая голову крыльями, крутятся в бешеной, смертоносной карусели не меньше трёх десятков пиктийских драконов, на язык приходят, казалось бы, прочно забытые в детстве слова. Пикирующая оскаленная морда, струя пламени или ледяное копьё... и вот уже от трёх полноценных десятков, не дошедших до передовой, а внезапно столкнувшихся с ней и насмерть вцепившихся в опушку безымянной рощи, осталось всего два бойца.

А ты лежишь и ничего не можешь сделать. Чем достать чешуйчатую тварь? Мечом или копьём? Даже не смешно.

Сюда бы пару трубок с «Громом небесным». Хотя бы одну!

Еремей пошарил в отрытой в стенке окопа нише скорее по

привычке, чем надеясь на чудо. Чудеса кончились ещё вчера, когда старший десятник Матвей Барабаш каким-то образом сумел связаться со штабом манипулы и вытребовал ящик противодраконых метателей. Тысяцкий бы и больше прислал, если бы оно было, это больше.

Но как же радуется душа при виде удачного попадания – пиктийская тварь вдруг взрывается изнутри, а с высоты на землю падают фигурки в алых мундирах. Падают, нанизываясь в полёте на обугленные сучья деревьев... немногих, оставшихся от той самой рощи. Приятно посмотреть, чума их заberi! И плевать, что метатель – штука одноразовая, и после выстрела его картонной трубой даже неодоспешенного супостата не оглушить.

«Глянь-ка... так и висят, раки варёные...»

Ещё два месяца назад Еремей не замечал за собой такой кровожадности. Да и откуда она возьмётся у солидного профессора Роденийского университета, заведующего кафедрой навийской словесности и известного специалиста по древнебиармийскому шаманизму? Конечно, как и всякий уважающий себя подданный Владыки и – по совместительству – рядовой боец ополчения второй очереди, он с удовольствием проводил три месяца в году на обязательных военных сборах, тем более что штабным переводчикам не выпадало сомнительное счастье совершать недельные переходы в полной выкладке. Так, в охотку помахать мечом с вежливыми и предупредительными наставниками... Ещё нрави-

лось сидеть тёплым летним вечером у палатки полевого клуба для рядовых и обсуждать с коллегами особенности применения боевых артефактов. Разумеется, чисто теоретически – кто же в здравом уме доверит штабным что-то серьёзнее «Безумной радуги».

И всё это рухнуло в одночасье. Университет, сборы, посиделки... Прошлое. Два месяца, кажущиеся жизнью.

– Улетели убудки? – голос старшего десятника еле пробивался сквозь звон в ушах. – Еремей, ты там живой?

Матвей Барабаш как раз из тех вежливых наставников. Интересно, куда подевалась вся его вежливость, когда ополченцев второй очереди в срочном порядке согнали во временные команды, раскидали по действующим полкам и бросили в мясорубку? А звания и опыта профессора, не отлынивавшего от сборов и занятий, как раз хватило на то, чтобы попасть не в обоз, а в обычную пехотную манипулу. «Примерно соответствует боевым требованиям», как сказал принимающий пополнение хмурый младший сотник в порванной в нескольких местах и тщательно собранной свежими – ещё блестящими – кольцами кольчуге.

Вот, правда, десятник так и остался десятником, неожиданно превратившись в лютого зверя. Не потому ли они до сих пор живы?

– Да куда я денусь? – Еремей растёр по лицу перемешанный с грязью пот. – Попить бы.

– Лови! – кожаная четвертьведёрная фляга упала перед

профессором. – Хлебни напоследок.

– Думаешь, здесь и останемся?

Они перешли на «ты» после первого же боя, что, впрочем, не избавляло рядового Баргузина от постоянных придиорок старшего десятника.

– Считаешь иначе? – Барабаш захрустел сухарём. – После драконьего налёта завсегда головожопых выпускают. Потому как сами пиктийцы об нас мараться брезгуют. Блаародные!

Обычная тактика Империи – гнать на прорыв «драконьи консервы», набранные в колониях и зависимых территориях. Чего жалеть этих полудобровольцев-полунаёмников, получивших не самые благозвучные прозвища по обе стороны фронта? Неужели потомственные маги должны сходиться в рукопашной с мужиками – быдлом и хамами?

Легки на помине, чума их забери! Глорхийцы – как на парад шагают, будто не они вчера прорывали линию обороны шестнадцатого полка, оставив на ядовитом перекасти-поле заграждения половину атакующей волны. Три десятка Матвея Барабаша как раз были посланы в подмогу соратникам – командование пыталось хоть чем-нибудь заткнуть брешь, собирая бойцов где только возможно. Посланы, но не дошли...

– Профессор, ты женат? – неожиданно поинтересовался старший десятник.

– Нет, а что? – вскинулся Баргузин.

– Хорошо это, – Матвей задумчиво кивнул.

– Почему? – что, кроме удивления, может вызвать такое

умозаключение у обычного человека? Вот и у профессора вызвало.

– Не люблю, когда на могилах кто-то плачет, – ответил десятник и отвернулся.

Еремей пожал плечами и тихонько, чтобы не услышал командир, хмыкнул. Мёртвому разве не всё равно? Тем более могил, надо полагать, у них и не будет – пиктийцы славятся экономностью, мясо для варров нынче дорого, а своих «консервов» у аристократов вечно не хватает.

Кажется, Матвей подумал о том же самом, потому что спросил:

– Кстати, а почему в Империи драконов варрами называют?

– Не всех, только гэльскую породу... – Баргузин приготовился было дать привычный развёрнутый ответ, но осёкся и оборвал фразу.

– А-а-а, – протянул старший десятник и щелчком вставил в огнеплюйку свежий кристалл. – Я-то думал...

Рядовой вздохнул и отвернулся – говорить об особенностях пиктийского языка лучше в более спокойных местах.

– Из штаба есть что, командир?

– Тебе какое дело? – неожиданно рывкнул Барабаш. И тут же добавил спокойным тоном: – Заряды хоть остались?

– Два полных и ещё треть в одном.

– Береги.

И здесь Матвей прав – пока кристаллы в огнеплюйках

полностью не разрядились, они живы. Против драконов штука бесполезная по причине полной нечувствительности тварей к этой разновидности огня, а вот латной пехоте мало не покажется. Лишь бы не увлечься и палить одиночными.

Пших-х-х... раскалённый шарик вылетел откуда-то слева. Что, там ещё кто-то живой остался?

– Прекратить! – заорал старший десятник, приподнимаясь на локте. – Подпускаем на тридцать шагов!

Он что, сдурел? Даже на оборудованных и подготовленных к обороне позициях, когда наступающий противник натывается на перекасти-поле и взрывающиеся под ногами горшки гремучего студня, даже тогда стреляют на пределе, на пятидесяти шагах. Иначе сомнут прежде, чем головожопы обратят внимание на потери.

Но с командиром не поспоришь, и невидимый стрелок слева затих. Вместо него откликнулись справа:

– Чего глотку дерёшь, Матвей?

– Выберемся – на кухне сгною! – пообещал не узнанному по голосу бойцу старший десятник и улыбнулся. – А ты бы хотел сейчас в наряд, Еремей?

Баргузин много куда хотел. И много чего. Например, в данный момент он отдал бы десять минут жизни из пятнадцати оставшихся за полный подсумок с заряженными кристаллами. И за два полка «Левиафанов» за спиной. И ещё кое за что...

– Да иди ты в задницу! – больше всего в последние дни

Еремей хотел произнести именно эти слова.

– Чего? – на лице десятника расцвело такое недоумение, как если бы он вдруг увидал бунт овощного гарнира против острого мяса по-рокски.

– Чего слышал. Придурок дубиноголовый! – бывший профессор скорчил командиру обидную гримасу и со странным спокойствием прижался щекой к деревянному прикладу огнестрельного оружия. Вот теперь можно спокойно умирать. Через пятнадцать долгих минут. Через семьдесят зарядов.

Не хочется. Но нужно. А кому ещё, если не ему?

Краешком сознания уловил голос в голове. Даже слабую тень голоса. Шёпот:

«Ты живой? Но как?»

«Ты кто?»

«Почему ты живой?»

Всё началось двумя месяцами ранее, в городе, куда никто из жителей Родении не хотел бы попасть живым. Да и мёртвым тоже.

Солнце столь редкий гость в вечном тумане, укрывающем столицу Пиктийской империи, что чудом пробившийся в высокое окно замка лучик казался чужеродным явлением. Или шпионом? Но только вот чьим? Нет, бред... последний из владеющих солнечной магией адептов уничтожен более трехсот лет назад, чему эрл Эрдалер, в ту пору всего лишь капрал Второго Гэльского полка огнемётной поддержки, был

свидетелем.

Сразу же заныла раненная в той войне нога – подожженный кривыми зеркалами мятежников в небе над Тиураной боевой дракон упал в распоряжении войск противника, и, пока не подоспела помощь, солнцепоклонники смогли изрядно потрепать прижатый к синим скалам экипаж. Выжил только Эрдалер... Проклятые скалы! Кто же знал, что возле них не срабатывают эвакуационные порталы?

– Вы не слушаете меня, эрл? – громкий голос казался бесстрастным, но искушённый слух царедворца уловил тщательно сдерживаемую ярость. – Стареее, эрл?

– Прошу простить, великодушная мониа! – лорд-протектор склонился с предписанной Благородным Уставом учтивостью. – Размышляю над последними новостями из Замка Владыки.

Императрица промолчала, только в глубине холодных серых глаз дрогнуло что-то похожее на усмешку. Эрдалер в одной фразе ухитрился совместить лесть, упомянув древний титул пиктийских императоров, показать безупречную работу своей разведки и обозначить пренебрежение дурными приметами. Последние новости? Эрл не тот человек, для которого хоть что-нибудь сможет стать последним. Кроме гнева самой Императрицы, разумеется.

– Что там случилось?

– Ничего особенного, мониа, но...

Многозначительность в интонациях и жестах, игра голо-

са и лёгкий наклон головы. Важное? Разве может произойти хоть что-то важное во время заключаемого при Великом Перерождении перемирия? Тем более тёмные, не слишком-то надеясь на договоры, прекращают любые действия вне своей территории и бросают все силы на глухую оборону.

– Говорите, эрл!

Тот не торопился. Набивает себе цену? Куда уж выше? Лорд-протектор корпуса Стражей Тумана и командующий войсками Империи в случае войны являлся одним из сильнейших магов эпохи Благой Вести и занимал должности, о которых иные мечтали веками. И мечты уходили вместе с жизнью, так и не дождавшись осуществления.

Да, эрл не торопился. Сколько таких торопливых очень близко познакомились с верёвкой на площади Седого Утра? Императрица лишь на первый взгляд производит впечатление хрупкой статуэтки, выточенной из прозрачного льда горных пиктийских озёр. Но у того, кого обманул первый взгляд, обычно не бывает шанса на второй.

Дрогнуло золотое легойское вино в высоком хрустальном бокале, и непрошенный солнечный луч раскололся на множество брызг, заставив недовольную властительницу поморщиться.

– Тысячи лет здоровья, великодушная мониа! – долгий глоток согревает застывшие от вечного тумана внутренности.

Это тоже лесть – пиктийские императоры живут долго, но никак не тысячелетия.

– Не отвлекайтесь, эрл.

– Как прикажете, мониа, – бокал чуть слышно звякнул о крышку столика, и лорд-протектор положил руки на подлокотники кресла. – Вы позволите?

– Эрл...

Семья Эрдалеров со времён прадеда нынешней правительницы пользовалась привилегией стоять в присутствии сидящего императора, но никогда не злоупотребляла ей. Вот и сейчас эрл предпочёл испросить разрешения – древнему роду не нужно ежечасно доказывать благородство происхождения. Оно или есть, или его нет, и никакие привилегии не могут заменить... Да ничего они не могут заменить.

Замершие в благоговейном молчании придворные не заметили вставшего лорда-протектора. Мониа опустила занавес тишины? Её способности позволяют сделать это незаметно – кровь Альбина Великого, что тут скажешь...

– У тёмных большие проблемы.

– В чём они выражаются? – императрица привыкла к странной манере Эрдалера мгновенно переходить от чопорной речи к коротким рубленным фразам. – Откуда сведения?

– Первыми неладное заметили предсказатели, – начав издалека, лорд-протектор раздражённо дёрнул рукой, будто нащупывая рукоять меча. – Проекция будущего на Вечный Туман исказилась настолько, что...

– Что возможные проблемы тёмных обеспокоили даже вас, эрл? – завершивший фразу рассыпчатый смех почти за-

ставил Эрдалера поморщиться. Но только *почти*.

– Меня беспокоит непредсказуемость ситуации в отсутствие Тёмного Властелина, – лорд подавил раздражение и всем своим видом выражал максимальную озабоченность. – Они объявили о начале Великого Замещения, но...

– С тёмными никогда нельзя ничего предугадать, но они связаны обычаям и традицией по рукам и ногам... – казалось, мониа задумалась на мгновение, подыскивая слова, – пожалуй, даже больше, чем мы.

– Это так, мониа. Но обычно Зеркало Тумана показывает несколько вариантов развития событий...

– Из которых *обычно* сбывается самый невероятный, – опять перебила императрица.

– Это так, – повторил эрл. – Но вот уже три дня, как оно пусто.

– Совсем?

– Почти. Лишь обрывки видений, скорее напоминающие чей-то кошмарный сон, чем будущее.

– Шарлатаны, – бросила мониа, больше доверяющая своим силам, нежели ухищрениям бездарностей, пытающихся компенсировать слабость хитроумными изобретениями. – Что ещё?

– Известия подтверждаются сразу двумя независимыми источниками.

О том, что у лорда-протектора имеются шпионы в Замке Владыки, догадывались многие, но сам он признался в этом

только сейчас. Или не признался? Старый хитрец ни за что не скажет прямо.

– Всего двумя?

Тонкая улыбка тронула губы, перечёркнутые давнишним шрамом от роденийского клинка – оружие тёмных оставляет следы, не поддающиеся искусству целителей.

– Двумя, мониа. Или тремя? Что толку в числах? Важно то, что они не знают о существовании друг друга... в этой ипостаси, по крайней мере.

«Врёт! Благой Вестник свидетель, он врёт! Впрочем, у каждого есть право на маленькую тайну...»

«То есть – у каждого лорда-протектора», – императрица осталась довольна пришедшей в голову мыслью и ободряюще улыбнулась Эрдалеру.

– Дальше.

– Замещение не произошло.

– Это нам известно.

– Да, известно, но не всё... – эрл позволил себе лёгкое несогласие. – Не было Замещения Владыки, зато было новое. И оно не менее страшное.

– Что за бред? Оно или происходит, или не происходит, – в голосе императрицы явственно прозвучало недовольство. Или непонимание? Впрочем, одно другого стоило. – Иных вариантов не бывает.

– Но так есть, великодушная мониа.

– Поясните свои слова, эрл.

Лорд-протектор бросил взгляд на придворных и вопросительно поднял бровь:

– Они...

– Не беспокойтесь, – довольная усмешка растянула тонкие губы императрицы.

Ага, всё-таки «занавес тишины». Тишины звенящей и опасной, отвечающей ударом чудовищной силы на любую попытку пробраться сквозь неё. Правда, таких попыток не случалось давным-давно.

– Омоложение Тёмного Властелина не началось. Но чьё тогда? И омоложение ли?

– Вот как?

Морщинка раздумья появилась на чистом и холодном лбу владычицы пиктийской Империи. Не рановато ли для восьмидесяти шести лет? Пусть... повелительница двенадцати морей и двух океанов может позволить себе слегка небрежный вид – в первую очередь в мире ценят силу, а не красоту с молодостью. Хотя вряд ли кто откажется от них.

Молодость... молодость невозможно сделать вечной, но один человек умеет возвращать её. Тот, чьё имя запретно в большей части населённого мира, тот, кого называют Владыкой или Тёмным Властелином. Проклятый колдун, продавший душу Эрлиху Белоглазому (да покарает их обоих Благой Вестник) за способность раз в девяносто лет обновлять тело, призывая из абсолютного ничто душу умирающего героя.

Оно так – смерть великих сама по себе является мощной

энергией, а соединённая с железной волей уходящего Владыки... Девять дней – ровно девять дней. Неизвестно, кто отмерил такой срок, но его хватает... Да будут они прокляты! За время Великого Замещения тело Темного Властелина стремительно молодеет, набирается сил для новой жизни, а потом призванная душа возвращается в своё ничто, уступая место обновлённому прежнему владельцу. Странно, но с каждым разом он становится всё злее, коварнее и сильнее.

И на эти же девять дней заключается перемирие. Нарушителей нет. Почему? Древние летописи дают ответ, слишком страшный, чтобы подумать о нарушении.

– Вы уверены, эрл? – всё-таки непонимание... недовольные женщины говорят иначе.

– Да, великодушная мониа. У меня нет оснований не доверять своим людям, – «но и гордиться ими – оснований тоже нет. Предатели мерзки вне зависимости от того, на чью мельницу они дуют».

– Своим? – вставшие домиком брови на высоком лбу владычицы выразили крайнюю степень иронии, возможную в полуофициальной беседе.

– Вы правы, мониа, роденийцы не могут быть чьими-то, – ответное смирение – лучшая реакция.

– Но вы им верите? – брови вновь взлетели...

– Время от времени доверяю... и проверяю, не без того.

– Хорошо, опустим подробности работы со шпионами, эрл. Чем неприятности тёмных грозят нам?

Не такой уж странный вопрос, как может показаться, – Владыка играет столь тонкими и могущественными матери-ями, что не только попытка вмешательства, но и простая ошибка исполнителя, а паче – глупость, грозит крахом.

«Дожили... до того, что за словом «крах» прячется не что иное, как гибель всего известного мира...»

– Ничем, мониа, и даже более того...

«Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли – банально, но насколько верно, Тьма меня поberi!»

– И не думайте! – казалось, императрица читает мысли лорда-протектора.

– А через шесть дней? – попробовал сместить акценты Эр-далер.

– Вы искуcитель, эрл. Признайтесь, ваш род не состоит в родстве с Эрлихом Белоглазым?

Лорд-протектор изобразил довольную улыбку – в устах императрицы сравнение с повелителем нижнего мира должно звучать похвалой для верноподданного.

– Мы подождём, мониа, – уместный лёгкий поклон сопровождал эти слова.

– Просто подождём? – недоуменный поворот головы императрицы скользил по самой грани монаршего недовольства... Впрочем:

– Зачем же так бездарно тратить время? Что-то мне подсказывает, что настала пора ежегодного большого смотра.

– Прошлый был три месяца назад, – напомнил лорд-про-

тектор.

– Я помню, эрл. Тем лучше, воины не успели обрасти жирком. Я подготовлю Указ, – воздух под правой рукой императрицы сгустился, пошёл завитками, и из клубка плотно-го белого тумана выпал пергаментный свиток, подхваченный лордом-протектором на лету.

– Извольте поставить печать, Ваше Величество?

Официальный титул. Кажется, что осанка ещё больше выпрямляется, хотя прямее и некуда. Затылок, упёртый в холодную спинку трона, – опора в короткой слабости.

– Печать? – повторил эрл с настойчивостью.

«Старый дурак! Он, что, не помнит, что каждое овеществление воли Империи обходится мне в несколько мгновений неподвижности? И боль...»

С шелестом падает невидимый «занавес тишины».

– Да будет так! – изображение золотого дракона возникло на ладони императрицы и, вспыхнув огнём, легло на выбеленный пергамент. – С праздником Большого Смотра, благородные д`оры!

Гул голосов, в котором отчётливо слышались нотки с трудом сдерживаемого восторга, прокатился по дворцу. Может быть, и не по всему, но в окнах тронного зала ощутимо дрогнули стёкла, а часовые на ступенях парадной лестницы вдруг, все разом, испытали труднопреодолимое желание обернуться.

«Глупая, кстати, традиция – проводить ежевечерние при-

ёмы сидя на троне. Но куда деваться?»

Благородные д'оры должны чувствовать сословную значимость и собственную нужность империи. Без обыденных ритуалов, таких как этот приём, в головах потомственных боевых магов рождаются странные мысли и необъяснимые желания. Нет, конечно же, никто из них не посягнёт подставить голову под корону. Самоубийцы закончились ещё при Альбине Великом, но местническую свару вполне могут устроить. Бывали, знаете ли, прецеденты, когда Пиктия вспыхивала страшным пожаром междоусобицы. Взять хотя бы войну Зелёных Долин – тогда воспользовавшийся смутой Владыка откусил от Империи вассальную Ферузу, вторгся в Легойю и подошёл к самым пиктийским границам.

Честно признаться, тогдашний император долго благодарил тёмных за нападение. Странно? Ничуть – только внешняя угроза подействовала отрезвляюще на буйные головы и остановила раскрутившийся было маховик взаимного истребления.

– Взгляните, как они радуются, великодушная мониа, – с лёгкой улыбкой заметил эрл, – будто дети на празднике Схождения Благого Вестника...

Лорд-протектор всё ещё стоял рядом с тронном – высшая привилегия и высшая степень доверия. Этого не нужно держать в кресле – искусном артефакте, избирательно подавляющем агрессию. Даже, скорее всего, перенаправляющем её в нужное Империи и, что уж скрывать, повелительнице русло.

Эрдалер прав. Что для дворянина может быть радостней Большого Смотра? Разве что война. Большая война.

«Для больших мальчиков. Железные мечи и длинные... хм-м-м... а вот об этом думать сейчас – не время».

– Они дети, да. Просто неразумные дети, – рассеянная скороговорка приоткрывала завесу над мыслями императрицы.

– Зачем вам их разум, мониа? Умения убивать и способности самому оставаться в живых вполне достаточно, – понимающе улыбнулся лорд-протектор.

Впрочем, эрл лукавил – ему самому в молодости обоих умений показалось слишком мало. Но это ему. И много ли нынче таких?

– Бойтесь дышащих в спину молодых волков, Эрдалер?

– Я? – короткий вопрос переполняло неподдельное изумление, переходящее в сарказм.

– Ну не я же? – отвечать вопросом на вопрос – целое искусство, и беседующие превзошли его много лет назад.

– Буду только рад, великодушная мониа, если кто-то из этих юнцов действительно окажется лучше меня, – самодовольство, сквозящее в голосе лорда, скорее напускное, нежели истинное, тоже входило в правила игры.

– В самом деле?

– Так и есть. Удаюсь в горы, в глушь... в конце концов, уеду к тётке! Стану жить отшельником... Но буду знать, что оставил дела в хороших руках.

– К тётке? Не к той ли, что моложе вас на целых сорок лет?

«Причуды родственных связей, перемежаемых адюльтерами и инцестами... прости, Всеблагой!»

Императрица кивала в такт словам лорда-протектора, хотя не верила ни одному из них. Уйдёт он, как же! Уже много веков Эрдалеры за редким исключением уходили со службы только по одной причине. Простой и уважительной причине прекращения земного существования. Кто пал на войне, кто – на дуэли, кого-то отравили или подстрелили шаровой молнией на охоте, некоторые отправились на свидание с Эрлихом Белоглазым с площади Седого Утра, но ещё никто не умирал в постели. По крайней мере, в своей... и в одиночестве. И нынешний вряд ли нарушит семейную традицию.

– И смените алый мундир на стёганный халат служителя Благого Вестника?

Эрл едва заметно поморщился – с некоторых пор он мог позволить себе кое-какие вольности. Но императрица напомнила о печальной судьбе двоюродного дяди, решившего уйти от мирской суеты в обитель, тем самым оставив в дураках не только род Эрдалеров, но и лорда-протектора лично. Сволочь, утащил с собой фамильный меч, подаренный основателю рода самим Альбином Великим. Зачем монаху меч? Впрочем, старый хрыч не прервал традицию, получив стрелу в живот при осаде монастыря. Тёмные как нельзя удачно сыграли на руку судьбе рода, а целители лишь развели руками, признавая в бессилии.

При мысли о целителях захотелось плевать – за многие века эти недотёпы так и не научились лечить раны от родезийского оружия. Неудачники, только и умеющие за громадные деньги вживлять под кожу престарелым знатным потаскухам золотые нити с наведённым мороком вечной молодости. И неспособные на что-нибудь более полезное. Или способные? В самом деле, стоит попробовать разорвать замкнутый круг, когда лекарь не имеет собственных крестьян для подпитки сил, а слабому ни за что не дадут для прокорма пару-тройку деревень. Даже хутора захудалого не видать ему, как своих... короче, ни за что! Потому что не за что!

– Эрл? – голос императрицы удивительно мягок.

– Да, великодушная мониа?

«Похоже, я не на шутку увлёкся собственными мыслями.

Видимо, старею...»

– Вы меня не слушаете.

– Но вы молчите, мониа, – ответил Эрдалер и занудно добавил: – Целых две с половиной минуты.

– Так ответьте на то, о чём я молчу.

Требование не застало лорда-протектора врасплох. Нет, он готовился к ответу заранее и ждал. Только вот готовиться и быть готовым – разные вещи. Застучала кровь в висках, и по спине пробежал холодок... Не от страха или волнения, так организм реагировал на окутывающую эрла и императрицы «Ледяную пустоту», высшая степень которой считалась недоступной большинству живущих ныне магов.

– Я согласен, мониа.

– Филиорн! – впервые повелительница Пиктии назвала Эрдалера по имени. И вслед за словами резко встала. – Филиорн, мы объявим о помолвке на Большом Смотре!

– Конечно, дорогая.

– Филиорн! – императрица сделала шаг вперёд, положила руку на плечо лорда-протектора и спросила с несвойственной ей робостью: – Это и есть любовь?

«Нет, с-с-сандалли Вестника, это пляски биармийских шаманов! Вот дура! При чём тут любовь? Империи нужен наследник, а ты до сих пор не удосужилась...»

Эрл задавил попытку внутреннего голоса прорваться наружу. Склонил голову, прижав гладковыбритой щекой чуть дрожащие тонкие пальцы на своём плече, и вслух произнёс:

– Да, Лиза, это она.

А веселившиеся благородные д`оры не обращали внимания на вставшую между ними и тронем стену. Зачем? У императрицы и Эрдалера наверняка есть важные государственные дела, но великодушная мониа не желает омрачать праздник верных воинов заботами и тревогами. Так было всегда, и так случилось сегодня. Что в том удивительного?

– Вина! – громко потребовал седой полковник-драконид в зелёном мундире, украшенном алой орденской лентой.

– Вина! – поддержали старого воздушного бойца его молодые товарищи. Впрочем, во дворце пиктийских императоров стирается разница в возрасте и званиях – все равны пе-

ред милостивым взором Её Величества. – Легойского!

Драконид презрительно сплюнул в кадку с причудливой пальмой и коротко бросил ближайшему любителю золотых вин:

– Сосунки!

Отвернувшись от кадки, полковник не заметил, как потемнела почва под его плевком, а с верхушки ни в чём не виноватого ствола через некоторое время опали три пожухших листа.

– Да, сосунки!

Молоденький корнет залился краской то ли гнева, то ли стыда, но, вопреки ожиданиям, лишь вежливо поклонился.

– Рекомендуете что-то другое, конт Брависсий?

Ветеран довольно погладил серебрящиеся сединой усы. Нет, что бы там ни ворчали старые пердуны, а молодёжь нынче хорошая. Славная смена растёт – уважительная и внимательная, прислушивающаяся к мнению старшего поколения. Конечно, попадаютсся и паршивые овцы, портящие всё стадо, но вот конкретно этот корнет не из них. Тем более что он приходится конту внучатым племянником.

– Эдди, я же просил называть меня попросту...

– Да, дядя Фергюс, извини...

– Ничего, мальчик мой, – конт Брависсий похлопал родственника по плечу. – Когда-нибудь и ты узнаешь, что для настоящего воина лучшим из вин является то, что взято на меч.

– А-а-а...

– Я имею в виду трофейное! Мы будем пить роденийскую ракию!

Корнет вздрогнул, живо представив воздействие на организм этого жидкого огня, известное ему лишь по рассказам несчастных, что пали жертвой коварного продукта тёмного варварства. Роденийцы называют её крепким вином и делают из ржаного зерна, смешанного с соком алых слив. Как это им удаётся, не знает никто, но вот получившийся результат внушает почтение, в большинстве случаев переходящее в уважительное опасение. Страшная штука... Впрочем, для драконидов, половину жизни болтающихся между небом и землёй на чешуйчатой спине могучего варра, самое то.

Вот только насчёт трофеев дядя Фергюс загнул. Изрядно загнул, между прочим. Ладно, у старого воина могут быть свои слабости, в том числе и привычка выдавать желаемое за действительное. А так... ограбленные обозы лернейских купцов, курсирующие между государствами, несмотря на все войны, вряд ли можно считать трофеями.

– Вздогнем, Эдди! – конт Брависсий взял с подноса неслышно появившегося лакея гранёный по обычаю темных кубок без ножки. – Ну? Не трусь, корнет!

Юноша осторожно коснулся пальцами холодного стекла. Странно, внутри огонь, а обжигает стужей не хуже боевого заклинания «Зимнего льда».

– Огурчик не забудь, – напомнил Брависсий.

Ужас! И как можно есть недозрелые плоды ядовитой лианы? Или при засолке яд нейтрализуется?

– Твоё здоровье, дядя Фергюс!

– Здоровье великодушной императрицы Элизии! – поправил старый драконир, с довольной улыбкой наблюдая, как юный родственник опрокидывает в себя роденийскую отраву. Может быть, когда-нибудь и самому попробовать?

– Ах-х-х... – внучатый племянник хватал воздух широко раскрытым ртом. – Х-х-х...

– Огурчик?

– Мать... мать... мать... храни её Благой Вестник! – Эдди наконец-то справился с собой и посмотрел на старшего родственника разгоревшимися глазами. – Спасибо, дядя Фергюс!

– За что?

– Теперь я знаю – смерть в бою – это не самое худшее, что может случиться с человеком.

Интересное замечание. Не по этой ли причине один роденийский воин стоит трёх пиктийских, а тёмную манипулу получается одолеть только полком, вшестеро превосходящим её по численности? Надо будет обязательно поднять вопрос на Большом Смотре. Чем не шутит Эрлих Белоглазый?

Глава 2

Серая пыль, вечная спутница роденийских дорог и их же проклятие, скрипела на зубах и оставляла во рту солёный привкус. Или не оставляла? – соль чувствовалась постоянно, а происхождение её оставалось неясным. То ли это кровь из распухшего и изрезанного об обломки зубов языка, то ли начинает проявляться тихое помешательство. Интересно, покойники сходят с ума?

Еремей Баргузин перестал считать себя живым месяц назад, когда принял бой на перекрёстке дорог у безымянной рощицы. Двое их осталось, из всего отряда, остальные так и легли в землю без похорон и отпевания. Они теперь не живут, так можно ли самому быть живым?

– Шевели мослами, Ерёма! – старший десятник Барабаш оглянулся на еле переставляющего ноги товарища и неожиданно усмехнулся. – И это, Еремей... рожу попроще сделай.

– Что? – бывший профессор среагировал не сразу, оторвавшись от невесёлых мыслей.

– Да ничего, просто у тебя профессорство прямо на лице написано. Не может такого быть у нормального глорхийца.

– А сам? – Баргузин на ходу поправил ненавистный трофейный шлем, постоянно норовивший съехать на нос.

– А я не совсем нормальный, – усмехнулся Матвей и хлопнул ладонью по нагруднику доспеха.

Доспех тот он лично снял с командира вражеского разъезда, позавчера «удачно» заночевавшего у небольшого костерка. На кольчуге до сих пор заметны пятна крови, облетающие сейчас пересохшими мелкими чешуйками. Но где её отмыть в степных предгорьях? Вода здесь вообще величайшая ценность, за которую могут незатейливо убить. Или затейливо – тут уж по обстоятельствам. Собственно, так и произошло – глорхийцы расположились на ночёвку около единственного на два дня пути колодца. Три человека – «а люди ли они?» – умерли во сне, в счастливом неведении, а вот четвёртый и пятый немного задержались на белом свете. Со всем чуть-чуть задержались – старшему десятнику не понадобилось много времени на допрос. Кстати, он же и заставил Еремея перевести то, что осталось от пленных, в окончательно неживое состояние.

Дело, конечно, важное и нужное, но до этого ни разу не приходилось вот так... Из огнеплюйки проще. Проще, да... только последний кристалл разрядился к Эрлиху Белоглазому ещё две недели назад, а новых не предвидится. Если только повезёт. Повезёт?

– Ты чего бубнишь, профессор?

Еремей вздрогнул от неожиданности. Он что, разговаривал вслух?

– Огнеплюйки, говорю.

– Будут! – уверенно заявил Барабаш.

– Откуда?

Матвей обеспокоенно оглядел единственного оставшегося в живых подчинённого:

– Ты ничего не помнишь?

– Что я должен помнить?

– Однако, – старший десятник, не далее как час назад втолковывавший Еремею боевую задачу, удивлённо покачал головой.

Впрочем, и у самого память работает избирательно, милосердно затирая целые куски. Особенно про попадавшие по пути деревеньки, где пиктийские боевые маги восполняли запасы энергии. Если закалённый разум старого вояки отказывался воспринимать увиденное, то что говорить о практически мирном человеке, ещё недавно протиравшем мантию в университете?

– Будут тебе огнеплюйки.

– Откуда? – повторил вопрос Баргузин.

Барабаш посмотрел на зависшее в зените солнце, вздохнул и указал Еремею на чахлые заросли каких-то колючих кустов в четверти версты от дороги. Привал?

Да, привал. Почти голые ветки со свернувшимися от зноя листьями всё равно создавали мало-мальскую тень, и казалось, будто бы жара отступает и можно хоть чуть-чуть перевести дыхание.

– Хреново, Ерёма?

Вместо ответа бывший профессор попытался залихватски сплюнуть, показывая, как настоящий роденийский сол-

дат относится к трудностям похода, — «или бегства?» — но в пересохшем рту не нашлось слюны.

— Терпимо, Матвей.

— Ага, — оживился старший десятник и достал из-за голенища сапога сложенную карту. — Вот смотри.

Грязный палец с обкусанным ногтем ткнулся куда-то в переплетение замысловатых линий и непонятных значков.

— Видишь?

— Вижу, — согласился Еремей. — А что тут?

— Соляная шахта.

— И что?

— А то самое! — ноготь сдвинулся выше и левее. — А вот здесь наши «добрые друзья» устроили склад трофеев.

— Зачем? — недоумение Баргузина звучало искренне.

— Как это — зачем? Без трофеев войны не бывает, — Матвей для вящей назидательности даже поднял вверх указательный палец.

— Так пиктийцы нашим оружием пользоваться не могут, — обоснованно возразил Еремей.

— Хм... — Барабаш снял шлем и почесал затылок. — А вдруг головожопых захотят вооружить?

Сказал, и сам не поверил в собственные слова. Скорее небо упадёт на землю, чем надменные пиктийские аристократы доверят дикарям хоть что-то магическое. Магия — удел избранных. И негоже всяким там вонючим и кривоногим сынам степей лапать грязными руками чистое и светлое....

Недостойны, короче! Ведь никому же не придёт в голову дать огнеплюжку волосатому зверю аблизьяну с Эриванских островов? Нет, не придёт, ибо неофициальным девизом Империи с давних времён стало высказывание одного из их правителей: «За хребтом людей нет!»

Надо заметить, что Пиктия всегда существовала наособицу. Отделённая от остального мира Калейским хребтом и омываемая холодными водами Хмурого моря, она чувствовала себя в полной безопасности. А что – немногочисленные перевалы намертво перекрыты сторожевыми крепостями с сильными гарнизонами, флот охраняет побережье, а драконы внимательно следят за небом. Чем не жизнь? Тем более что у главного соперника и вечного противника, Родении, драконы как-то не прижились. Сколько ни старались их укоренить соратники Владыки – всё впустую! От одного вида роденийского правителя несчастные рептилоиды начинали чахнуть, пухнуть... идохнуть – в итоге.

– Ерёма, ты меня слушаешь?

– Так ты же молчишь, – удивился Еремей.

– Да? – несколько смущённо произнёс старший десятник и вернулся к карте. – Вот, значит... Заночуем в шахте.

– А утром на разведку?

– Зачем утром? Ночью и пойдём.

– Но...

– Солдат ночует тогда, когда позволяет обстановка, и это не зависит от времени суток! – Барабаш ободряюще хлопнул

подчинённого по плечу. – Не бойсь, Ерёма, сделаю из тебя справно́го воина. Хочешь в пластуны?

В пластуны Баргузин не хотел. Те ребята, конечно, все как один личности легендарные, но он-то мирный человек и всю жизнь служить не собирается. Да и кончилась та жизнь. Со-всем кончилась. Хорошо бы после войны вернуться в родной университет: к бестолковым студентам, к сволочному ректору, к пыльным свиткам биармийских рукописей... Но невысказанное желание проходило по разряду сказок, где-то между говорящими рыбами и кашей из топора.

Матвею, кажется, тоже безразлично, останется он в живых или нет. Может, и не кажется, может, оно так и есть на самом деле.

– Не хочешь, значит, – старший десятник правильно понял молчание Еремея. – Ну что, дальше топаем?

Вечер принёс новые знания и новые ощущения – Еремей первый раз в жизни оказался в шахте. В настоящей шахте, на многие вёрсты уходящей глубоко в землю. В камень, если точнее сказать. Будучи человеком сугубо городским, бывший профессор предпочитал чувствовать под ногами мощённые булыжником улицы, или доски тротуаров... или паркет университетских кабинетов, а под сидением – мягкое кресло вместо трухлявого, выпавшего из крепи бруса. Вот не нравилась ему дикая природа, пусть и несущая на себе следы трудовой деятельности многих поколений. Даже

дружеские выезды за пределы столичных стен, когда на вертеле над углями румянится хрустящей корочкой молочный поросёнок, а в ледяной воде ближайшего ручья остужаются бутылки ракии, и те не любил. Скорее – терпел, да... Но всегда считал бездарной тратой времени и с огромным облегчением возвращался домой, к рукописям – ставшим родными и близкими. И заменившим родных и близких, что уж скрывать-то.

А вот в последние месяцы концентрация трогательного единения с природой, вплоть до спешного насильственного слияния – сугубо в целях выживания, стала настолько велика, что ну её к Белоглазому! Даже облегчиться по-людски нельзя – всё смотришь, как бы змея за самое дорогое не укусила. Суета срамная, в общем, а не отправление естественных надобностей.

– Соль? – Баргузин дотронулся до низкого свода рукотворной пещеры, поблёскивающего в слабом свете спрятанного под стеклянным колпаком сгустка огня, и лизнул палец. – Точно соль.

– Ты марципанов ждал? – ирония десятника опасно приблизилась к отметке «сарказм», но бывший профессор на удивление спокойно отреагировал на новую подначку.

– Я же не видел, как её добывают.

– Ага, прямо в мешках в земле родится, – но и этот «укол» Матвея не достиг цели.

Насмешки старшего десятника стали привычным ритуалом.

лом и больше не вызывали обид или раздражения. Такой уж он уродился, ничего не поделаешь.

– Много её.

– И это хорошо, – Барабаш заворочался, устраиваясь удобнее на расстеленном трофейном плаще. – Ни одна благородная сволочь нас не учует.

– Почему?

– Так соль же, – Матвей замолчал, полагая, будто единственного слова достаточно для объяснения.

– И чего? – повторил вопрос Еремей, у которого природная любознательность учёного пересиливала чувства усталости, голода и жажды. – Они же не кровососы?

– Есть какая-то разница? – пожал плечами старший десятник. – На ихнюю магию соль, чеснок и осина действуют точь-в-точь как на упырей.

– Э-э-э...

– Правду тебе говорю. Серебро, конечно, их не убивает, а в остальном очень похоже.

– Этого не может быть! – Еремей, никогда раньше не интересовавшийся особенностями пиктийского колдовства, сейчас пребывал в некоторой растерянности. – Они же тёмными нас называют, а не себя.

– Ну и что? – ухмыльнулся во весь щербатый рот старший десятник. – Меня вот бабы как только не называли... и знаешь, до сих пор ни лаять не начал, ни хвост не вырос, ни... хм-м... остальное. Разве дело в названиях?

– В чём же?

– Ну как тебе объяснить? Ты, Ерёма, маг?

– Нет.

– Вот видишь! А всю пользуешься магическими артефактами, огнеплюйками в том числе. Или взять вот эту лампу...

– В огнеплюйках энергия Владыки!

– А я про что толкую? Сами ничего не умеем, а магию успешно применяем. А ведь мы с тобой, по мнению пиктийцев, и есть тёмные людишки. Тундра неогороженная, так сказать.

Если у бывшего профессора и было иное мнение, то вслух оно не прозвучало. А старший десятник привстал, прислонился спиной к белесой от выступившей соли стене и продолжил крайне познавательную лекцию:

– Да, Ерёма, в Родении любой житель может купить в ближайшей лавке магическую хреновину и пользоваться в собственное удовольствие. У тебя дома кухарка была?

– Я в трактире столовался, – признался Баргузин. – Но какое отношение имеет кухарка к магии?

– Самое обыкновенное. Все эти подогревающие шкафы, самокрутные мясорубки и прочее... даже хлебопечки, в конце-то концов.

– Уж не хочешь ли ты сказать, будто Владыка самолично занимается подобными мелочами? – с оскорблённым видом заметил Еремей.

– Зачем самолично? – Матвей уже не удивлялся дремучей невежественности профессора в любых вопросах, кроме древнего шаманизма северных народов. – На заводах всё делают.

– Без магии?

– Ну! Потом только кристаллы вставляя, и оно работает.

– Как?

– На энергии, дурень!

То, что всё работает на энергии, Еремей знал и раньше. Но кто же её засовывает в магические кристаллы?

– Слушай, а у пиктийцев разве всё иначе?

Старший десятник нахмурился и произнёс застывшим, «мёрзлым» голосом:

– Деревни, через которые мы проходили, помнишь?

Баргузин вздрогнул и что есть силы зажмурился. Бесплезно – перед глазами всё равно вставали образы и воспоминания. Высушенные до состояния мумий тела на улицах... приколоченные подковными гвоздями к стенам собственных домов женщины, из ран которых не текла кровь... обугленные столбы, на которых в переплетении цепей едва угадывалось то, что ещё недавно было человеком... Нет, лучше бы это забыть. Но получится ли?

– Магия?

– Она самая. Видишь ли, в чём дело, – Матвей задумался, подбирая правильные слова. – Пиктийцы работают с энергией напрямую, собирая её внутри и пропуская через себя.

Пропускают они, суки... И могут забирать из живого человека. Пока ещё живого человека... твари...

– Но как...

– Каком кверху! – неожиданно разозлился Барабаш. – Мы с тобой для них всего лишь жратва.

Еремей прикусил губу. Биармийские шаманы в незапамятные времена использовали жертвоприношения для увеличения силы, но то были овцы, козы, олени. Корову – редкую в тех краях – в сложных случаях могли пожертвовать. Но не людей же? Хотя если посмотреть с другой стороны...

– К Белоглазому такую сторону! – прозвучало вслух.

– Что?

– Так, задумался, – пояснил Баргузин. – А пытки, значит, для более полного выхода энергии?

– Аристократы Империи славятся бережливостью, – кивнул старший десятник и предложил: – Давай спать, Ерёма, а то скоро выходить.

Еремей долго ворочался, прислушиваясь к мерному сопению безмятежно спящего командира, но так и не смог заснуть сам. Да ещё камни под расстеленным плащом впились в бока даже сквозь кольчугу, а в голове всё звучал недавний разговор. Наконец не выдержал, встал и пошёл к выходу, благо спускаться на большую глубину давеча не решились. Боясь заблудиться.

– Ты куда? – окрик Барабаша застал Баргузина на поло-

вине пути.

– Да я тут...

– Приспичило? Не переживай, Ерёма, перед боем у многих такое, только никто не сознаётся.

– Перед боем? Ты же говорил, что в разведку пойдём.

– Одно другому не мешает, – старший десятник тоже поднялся на ноги и с хрустом потянулся. – Была бы задница, а уж приключения на неё найдутся сами собой.

– Пожрать бы чего, – Еремей вспомнил об остатках приличного воспитания и поправился: – Поесть, в смысле...

– Обойдётся, – Матвей туго затянул пояс и поправил ножны с мечом. – Готов?

Конечно, готов. Нищему собраться – только подпоясаться. Тем более вещей за время странствий по вражеским тылам накопилось немного. Тут не то что лишнее, даже нужное тяжело таскать. За исключением оружия: колющего, рубящего, режущего и дробящего наблюдалось в явном избытке.

– И чтобы муха не смогла незаметно пролететь! – внушительный кулак Пашу Мозгол-нойона, вкусно пахнувший чуть пригоревшим бараньим жиром, замаячил в опасной близости от сломанного в недавнем бою носа Арчи Выползка. – Понял?

– Всё понятно, блистающий джучин! – Арча чуть отодвинулся, дабы возможный удар получился слабее, и уточнил: –

А замеченные мухи могут пролетать?

– Ты дурак? – под немигающим взглядом Пашу Мозгола Выползок почувствовал себя крайне неудобно.

– Прости, блистающий джучин!

Честно говоря, шаман Лисьей сотни тумена Левой Лапы грубо льстил нойону, называя званием, достойным лишь предводителя полной руки. Тот не возражал, надеясь когда-нибудь стать им. Тумен – палец, полная рука – железный кулак. Именно такой, которого боится хитрый Арча.

А что ему остаётся делать? Льстить, хитрить и бояться – удел слабых. Нет, конечно, Небесная Кобылица в конце концов обратит внимание на своего верного слугу и ниспошлет великую силу. Больше, чем великую – величайшую! И тогда все взвоют, как собака-падальщик, и приползут на коленях! Абсолютно все!

Первыми заплатят проклятые пиктийцы, отобравшие коней на корм не менее проклятым летающим ящерицам. Во что они превратили некогда вольный народ? В мягкое мясо для роденийских мечей. Как жить воину без коня? Никак не жить. Только и остаётся, что умирать пешему, совсем не надеясь после смерти возродиться великим воителем или, если очень повезёт, вороним иноходцем из Небесного Табуна.

А роденийцы тоже будут наказаны, но чуть позже. Сначала презренный Пашу Мозгол ответит за унижения и оскорбления, нанесённые великому шаману. Кто заставил его, сильномогучего Арчу Выползка, охранять временное стойбище

подобно пастуху, трясущемуся над последним полудохлым бараном? Разве это удел служителя высших сил?

– Что ты мне рожи корчишь, рырх облезлый? – нойону очень не понравилось выражение лица заматавшего шамана. – В глаза смотри, змеиный помёт!

Удар в ухо сшиб Арчу с ног. Всё-таки не в нос – пиктийцы строго-настрого запретили без особой надобности проливать кровь даже таких никчемных обманщиков, как Выползок. Правда, Пашу подозревал в том запрете некоторую непонятную и, несомненно, зловредную корысть...

– Прочь отсюда! – предводитель добавил несчастному сапогом под рёбра. – Пленника для жертвы заберёшь из имперской доли.

Шаман обомлел, тут же позабыв о мечтах, в которых смешивал пиктийцев с грязью. Мерзко заныли зубы, а вдоль позвоночника прокатилась холодная и липкая волна. Как можно трогать то, что принадлежит повелителям стихий? Да они за меньшие проступки выпивали жизненные силы из более значительных, чем Арча, людей! А нойон обязательно отопрётся, свалив вину на несчастного Выползка. Ослушаться приказа? Так этот плешивый винторогий кагул живо распорядится притянуть пятки шамана к затылку. Мог бы и в кожаном мешке утопить (ибо нет позорнее казни для истинного глорхийца), но здесь нет подходящих речек и даже привычных солёных озёр, поганить же единственный в деревне колодец Пашу Мозгол не станет. Что делать?

– Ты ещё не ушёл? – короткая плеть из толстой рырховой кожи обожгла сквозь стёганный халат. – Пошёл вон!

Арча спиной вперёд перекатился через порожек, избежав нового укуса свистящей плетёной змеи, извернулся и на четвереньках бросился в спасительную темноту. Да ну его, кагула сизоносого! Лучше сделать так, как велит, иначе до утра не дожить. Что там пиктийцы... они когда ещё явятся за имперской долей. Вдруг вообще позабудут?

Не то чтобы шаман Лисьей сотни верил в такую возможность, но нужно ведь во что-то верить?

– Рырхи бесхвостые! – Когда не замеченная в ночи каменная стена выросла на пути шамана и больно стукнула по лбу, терпение Выползка лопнуло в очередной раз. – Зачем этому глупому нойону понадобилась завеса невидимости, когда и так темнее, чем в чреве обожравшегося падалью кагула?

– Кто там орёт? – тихо подкравшийся караульный гаркнул прямо в многострадальное ухо.

– В ящерицу превращу! – крутнувшись на месте волчком, от неожиданности и испуга Арча пришёл в ярость, требующую немедленного выхода наружу. – Нюх потерял, скотина?

В отличие от сволочного нойона простые воины хоть и не уважали шамана, но побаивались. Пусть колдун из него так себе, но невеликих сил вполне хватит на мелкие пакости, способные отравить и без того нерадостное походное существование. Насчёт ящерицы преувеличивает, а вот сде-

лать халат обидчика прибежищем блох с трёх поприщ вокруг очень даже способен. Или напустить на провинившегося стаю каменных скорпионов, укус которых отбивает мужское желание на четыре луны. Оно, конечно, полезное свойство в дальнем походе, но яд этих полупрозрачных тварей не действует одновременно, а... три раза ужалит – год к бабам не подходит. А если стая десятка в два? Лучше не связываться со злопамятным Выползком.

– Винюсь, не признал, – пробормотал воин и попытался исчезнуть так же незаметно, как и появился.

– Нет, погоди! – Арча ухватил караульного за первое, что попало под руку... – длинную косу, спускающуюся из-под шлема на спину? «Ладно, пусть будет коса!» – Где держат пленников имперской доли?

– Там! – несчастный сделал неудачную попытку вырваться и жалобно заскулил. – Мне туда нельзя, блистающий джучин.

Шаман на лесть не купился.

– Веди, – и откуда взялись твёрдость во взгляде и бронза в голосе?

– Никак не можно, – сопротивление воина таяло на глазах.

– Волей нойона! – как обухом по лбу...

– Не пойду! – по-заячьи заверещал почуявший дыхание смерти степняк.

– А в ящерицу хочешь? – шаман шипел, вырастая в размерах, нависая безжалостным роком.

– Зато это будет живая ящерица! – бормотал откуда-то снизу, свернувшись клубком, караульный.

– Ладно, сам схожу, – Выползок оставил попытки добиться своего от упрямца. Правильно, кому хочется пересекать первым поставленную имперским интендантом защиту? Попробовать уговорить иначе? – Клиинатта хур-ш-ш-ш-и...

Воин вздрогнул и прислушался. Странные шуршание и шелест... Едва слышный шелест скорпионьих ножек по камням.

– Джихайя г`вээн рыххоэро!

Вторая часть заклинания отозвалась в голове глорхийца тревожным гулом и острой болью в висках. В ладонях шамана вспыхнул огонь, осветивший лицо, искажённое злой радостью и сладкой мукой выходящей силы.

– Гоэхэр куллиш-ш-ш... шта!

Шуршание превратилось в грохот. Они идут! Они голодны! Они хотят... Хотят чего? Хотят съесть мозг!

– Небесная Кобылица! – преследуемый видениями огромных скорпионов караульный прыгнул из положения лёжа, подхватил копьё и бросился бежать.

– Не так быстро! – крикнул вдогонку еле державшийся на ногах Арча. Заклинание морока выматывает, а если совместить его с сильным внушением... Вот в Империи, говорят, это даже дети умеют. – Скорпионы боятся имперских печатей!

Мог бы и не уточнять – воин мчался целенаправленно.

Вспышка!

– Спасибо тебе, друг, – Выползок умел быть благодарным к людям, умирающим вместо него. – Ты возродишься воронным иноходцем.

– Гроза надвигается? – Еремей увидел далёкие отблески и остановился, вызвав недовольное ворчанье старшего десятика.

– А хоть бы и гроза? Рот разевай пошире. Заодно и напёшься вдоволь. Только под ноги смотри, раззява!

Сам Матвей умудрялся шагать в кромешной темноте тихо и уверенно, не спотыкаясь поминутно и не матерясь вполголоса. Баргузину приходилось хуже – малая луна почти не даёт света, а большая в конце лета восходит только под утро, когда особо и не нужно. В такую ночь хорошо кошкам или пластунам – у тех, говорят, тоже глаза с вертикальными зрачками.

Глорхийская трофейная карта соврала. Впрочем, и в Рождении почти все карты рисовались исключительно с целью запутать вероятного противника, так что со своей вряд ли бы вышло иначе. Да, скорее всего головожопым и дали скверную копию с творения тёмных художников, компенсирующих отсутствие точности полётом фантазии и красотой замысловатых виньеток.

Как бы то ни было, но через три версты, обещанные истрёпанной мапой, деревня Большой Лабаз так и не показав-

лась. А ноги гудят... а спина ноет... а треклятые булыжники сами норовят прыгнуть на дорогу. Или подкатиться, ежели прыгать у них нечем.

– Может быть, тот глорхиец соврал? – Еремей верил в человеческую честность, но в его представлении дикие кочевники в список людей не попадали. Вот глорхийские лошади никогда не врут. Правда, они и говорить-то не умеют.

– Зачем ему меня обманывать? – искренне удивился Матвей. – Я же к нему по-хорошему...

Бывший профессор вспомнил некоторые детали недавнего допроса и зябко поёжился. Как же тогда выглядит плохой вариант?

– А вдруг он сам всё перепутал?

– Тише, – вместо ответа прошипел Барабаш и дёрнул Матвея за руку, заставляя присесть. – Слышишь?

Где-то вдалеке раздался низкий рокочущий звук.

– Шаманский бубен, – определил Баргузин. – Малый походный бубен третьего разряда, что делается из шкуры молодого рырха, а для ударов используется берцовая кость умершего от красной лихорадки мужчины в возрасте от двадцати двух до двадцати шести лет.

– Обалдеть! – старший десятник настолько восхитился эрудицией подчинённого, что повысил голос. – И ты это определил на расстоянии?

– Шаманизм, – коротко пояснил Еремей.

– И что?

– В университете я именно его и преподавал. А различать бубны по звуку – задание для студентов второго года обучения.

– Уважаю, – шёпот Барабаша выдавал немалое потрясение. Даже больше чем немалое – пошатнулась твёрдая уверенность в том, что учёные занимаются сущей ерундой, продавая казённые деньги и плодя себе подобных бездельников. – А зачем бубен здесь?

Баргузин вслушался.

– Бубум... бум... тыц-тыц-тыц-бум... – повторил он вслед за бубном неведомого шамана. – Скорее всего, тут собираются колдовать.

– Понятно объясняешь. Я-то думал, что глорхийцы рыбу ловят.

– В горах? – Еремей в очередной раз не понял юмора.

– Ага, непременно в горах. Толком расскажешь, что там творится?

– Так вот же... «бум-бум» сдвоенное слышишь? Похоже на заклинание Завесы невидимости. Или Полога невидимости, что, в общем-то, одно и то же.

– Магия?

– Ну... шаманы тоже кое-что могут. Я читал в древнем манускрипте о жертвоприношениях, способных увеличить силы мелкого колдуна в несколько раз. Но там про Сахийский хаканат.

– Плевать на хаканаты, – Матвей, кажется, уже принял ре-

шение. – На моей земле ни одна свинья не может колдовать безнаказанно. Особенно головожопая.

Глава 3

– Видишь его, командир? – шёпот бывшего профессора прозвучал на грани восприятия, но обострённому слуху старшего десятника он показался подобным грохоту идущих в атаку «Левиафанов».

– Не слепой, – бросил Матвей.

Действительно, пляшущую за мерцающей синим светом завесой фигурку не смог бы разглядеть только безглазый степной кошкокрот, но откуда ему тут взяться? Отсиживается в своей норе за сотни вёрст отсюда и не забивает себе голову проблемами каких-то там людишек. Шаман за завесой, кстати, немного похож на кошкокрота, только очень грязного.

– Ерёма, сможешь что-нибудь сделать? – в голосе Барабаша звучала странная надежда.

– Я же не колдун, – ответил Еремей.

– Жалко...

Профессору тоже было жалко – проклятое свечение начиналось за сотню шагов от быющего в бубен глорхийца и не пропускало ничего и никого. Сунувшийся десятник отделался лёгким испугом и торчащими дыбом волосами, щёлкающей синими искрами кольчугой да мучительной икотой, не прекращающейся довольно длительное время. А попасть туда, в освещённый круг, очень нужно – если обвешанный

амулетами шут успеет закончить обряд, то полож невидимости закроет деревню, и тогда... И тогда они останутся без оружия и жратвы за многие переходы от линии фронта. Плохо, это будет больше чем плохо.

– А если... – Еремей посмотрел на командира.

– Дурак? – Барабаш машинально схватился за карман, где лежал последний шарик с гремучим студнем. – Тебя хоть чему-то учили в твоём чокнутом Университете? На народные деньги, между прочим.

Баргузин не стал оправдываться и объяснять, что Университет содержится на личные средства Владыки. Также не решился спрашивать о том, какая связь должна быть между учёбой и гранатой. Наверное, какая-то есть. А вот мысль в голове после слов появилась настырная, хоть и бредовая.

Вот она вроде бы хвостик показала. Нет, вильнула, зараза, тем местом, откуда хвостик растёт, и убежала. Не совсем убежала – мелькает где-то на краю сознания, дразнится, чуть ли не язык показывает. У мыслей есть язык? Вроде бы нет, но всё равно показывает.

О чём это старший десятник говорил? Точно, об учёбе!

– Командир, – Еремей смущённо кашлянул и замолчал.

– Отставить чинопочитание!

– А?

– По имени обращайся.

Столь грубое попрание воинской дисциплины, да ещё со стороны человека, который сам же её и вдалбливал, подей-

ствовало на бывшего профессора ошеломляюще. Он захлопал блеснувшими в свете завесы глазами, но всё же пересилил себя:

– Матвей... хм... тут такое дело.

– Да?

– Когда я ещё сам учился... Ну ты понимаешь?

– Что не сразу профессором родился? Конечно, понимаю.

– Извини, это присказка. Привычка с лекций.

– Понятно.

– Так вот, Матвей, – Баргузин испугался собственной смелости, но, заметив поощрительный кивок старшего десятичника, продолжил: – Когда я был студентом, то мне как-то попалась забавная рукопись. Она лежала в библиотеке на полке исторических курьёзов, но... Ну ты понимаешь?

Барабаш промолчал.

– Ну, я и прочитал, – вздохнул Еремей. – Там как раз про подобное.

– А говоришь, не учили!

– Не про то говорю. В том свитке значилось, что для снятия сферы непреодолимости, неважно каким способом поставленной, достаточно окропить видимое сияние мочой стального лягушонка. Представляешь хохму?

– Чего-чего?

– Забавно, правда? В старых источниках и не такое встречается.

– Погоди, – Матвей вдруг стал хмур и сосредоточен. – Не

мельтеша.

– Да я разве...

Старший десятник ответил не сразу. Видно было, что его гнетёт что-то непонятное. Воспоминания или угрызения совести? Скорее первое, так как с совестью у старого вояки давно был заключён почётный мир, не предусматривающий взаимных упрёков. Наконец, после долгого раздумья, выдал:

– Мама в детстве называла меня лягушонком.

– Гы!

– А в рожу?

– За что?

– Просто так и на будущее.

– Так я молчу.

– Вот и молчи! – Барабаш повысил голос, но тут же перешёл на шёпот: – А в когорте меня прозвали Железным Матом.

– Как звали?

– Не звали, а прозвали, дурень! – рассердился старший десятник. – Почувствуй разницу.

Но бывший профессор уже не обращал внимания на угрозы – что-то бормотал под нос, размахивал руками, доказывая самому себе прописные истины, и едва не подпрыгивал на месте. Впрочем, последнее пресекалось строгим командиром, дабы случайный звон кольчуги не смог выдать неприятелю их расположение.

– Я нашёл это, Матвей! Как говорили древние пелейцы – эврика!

– Так ты, сволочь, предлагаешь... – задохнувшийся от возмущения командир не нашёл подходящих слов, но красноречивым жестом показал, что именно имеется в виду.

– Что?

– Я тебе не кобель блохастый, чтобы лапу на каждый столбик задирать.

– Зачем её задирать? – не сразу сообразил Еремей. Потом до него кое-что дошло, и профессор удивлённо вскинул брови. – Ты собираешься пописать на глорхийского шамана?

– Сам же говорил...

– Я просто привёл пример исторического курьёза и вовсе не хотел... А ты в самом деле решил, что... хм... ладно, забыли.

Барабаш молча скрипнул зубами и кивнул – забыли так забыли. Но если милостью Триады повезёт выбраться к своим живыми, то уж не взыщи, Еремеюшка!

– Дело в том, – продолжил не подозревающий о грядущих неприятностях Баргузин, – что обычно такие завесы служат лишь для того, чтобы никто не смог помешать шаману провести ритуал. Знаешь, кочевники с подозрением относятся к любому колдовству...

– В морду дадут?

– Это вряд ли. А вот нарушить начертанные на земле линии или загасить пару светильников вполне способны. Из

обычной зловредности. Бросит каменюку издалека и смое-
тся неузнанным. А бедолагу колдуну, если на месте неуправ-
ляемым потоком силы не вывернет наизнанку, то всё равно
крупные неприятности обеспечены. Вплоть до полного па-
ралича на ближайшие полгода. Кому охота?

– Красиво рассказываешь, Ерёма, – оценил Барабаш. – Красиво, но бестолково и длинно. Покороче не можешь?

– Куда уж короче-то? Вот у нас в Университете был пре-
подаватель теории стихосложения...

– Ерёма... – старший десятник протянул с укоряющей и угрожающей интонацией одновременно. – Как человек край-
не добрый и вежливый, я бы посоветовал заткнуть пасть и
говорить только по существу вопроса.

– Копать надо, – бывший профессор внял убеждениям и
последующие слова подбирал с осторожностью. – Подкопа-
емся под сферу где-нибудь в огороде, там земля помягче, и
проберёмся внутрь.

– Так просто? – удивился Матвей.

– Кочевники же! Кому придёт в голову слезть с коня и
копошиться в грязи? Степняки, они ведь не суслики.

Барабаш коротко рассмеялся:

– А у нас сусликом назначаешься ты. Вперёд, Ерёма!

Сила переполняла Арчу. Будь у глорхийцев письмен-
ность, то можно было бы сказать – Сила с большой буквы.

– Тхэр’роэн тхаш-ш-ш... – слова древнего заклинания

сплетались со звуками бубна, образуя видимый узор, расте-
кающийся по сторонам светящимся маревом. — Гоэхэр-р-р
шта!

Чувство невероятного могущества! Даже оно одно способно сдвигать с места горы, осушать моря, поворачивать реки вспять, насылать ураганы и тучи красной саранчи. А уж если подкрепить его соответствующей жертвой!

Впрочем, шаман трезво смотрел на мир сквозь накотившее состояние и не обращал внимания на внутренний голос, требующий немедленной проверки способностей. Чего уж там говорить, властелин мира из Выползка никудышный, и единственное, на что он сейчас способен, – так это поставить завесу спокойствия. Бездари и никчёмные людишки называют её пологом непроницаемости и сферой непреодолимости, но они глупы и не понимают, что лишь спокойствие составляет основу шаманского искусства. Искусство... слово чужое, пришедшее из ненавистой Родении, но как же хорошо передаёт смысл!

Ещё немного. Сейчас закончится ритуал, и свечение сможет держаться само, не отвлекая Арчу от главного.

Главное? Да, главное! Выползок бросил жадный взгляд на будущих жертв – хорошие воины, однако, были. Рослые, русоволосые, с голубыми глазами, перед пленением отправившие в рырхову задницу не менее чем по десятку глорхийских баатторов... Такая кровь угодна Небесной Кобылице. И неважно, что изранены и связаны, – как иначе удержать?

Арча не стал мелочиться. Мозгул-нойон приказал провести камлание на невидимость? Приказал. Глупый Пашу повелел забрать пленников из Имперской доли? Повелел. Но это рыхово отродье, этот винторогий кагул не уточнил количество! Сам виноват, отрыжка похотливого евнуха.

– Гуулх-х-х-ы тхаш-ш-ш... Ехха!

Последний удар, и ненужный более бубен летит на землю. В руке у шамана узкий костяной нож, почти шило в две пяди длиной. Всегда покрытый слоем грязи и жира чуть не в палец толщиной, сегодня он сияет в отблесках завесы и, кажется, постепенно приобретает собственное красное свечение.

– Покормлю, не беспокойся, – бормочет Арча и пинает в бок ближайшего роденийца. – Не начать ли с тебя?

Разбитые губы пленника тронуло подобие улыбки.

– Начни с поцелуя собственной задницы, жополюбец неумытый!

Злой гогот в четыре мощные глотки. Как жаль, что жертвам нельзя завязать или заткнуть рот – предсмертные крики ужаса радуют мохнатые уши Повелительницы Табунов, и не следует лишать её такого удовольствия. Ладно, проклятая тёмная кровь за всё заплатит.

– Твердята, ты что, он же не дотянется! – делано удивился самый молодой из роденийцев.

– Да? – названный Твердятьой воин на мгновение задумался. – Тогда пусть удилище поцелует.

– Чьё?

– Ну не моё же? Ты видел его зубы?

– Нет, а что?

– Заразу ещё какую занесёт. Нет уж, лучше пусть кренделем сгибается.

Багровая пелена ненависти и гнева, залившая глаза шамана, едва не заставила того совершить непоправимое. И лишь несколько стуков сердца спустя, остановив руку с ножом, занесённую для удара, Арча понял... Понял и засмеялся:

– Лёгкой смерти добыть стараетесь? Ну-ну, старайтесь.

Нельзя больше обращать внимание на глумливые речи! Эти рырховы отродья не достойны того, чтобы им внимал величайший из великих шаманов степи. Но какие же они тяжёлые, эти роденийцы! Небось, каждый день ели мясо... и каймак... и женщин любили по тринадцать подходов за ночь. Тьфу!

Арча перетащил всех четверых на плоский камень, выбранный в качестве жертвенника. Не ахти какой, но за неимением вытоптанной ногами многих поколений шаманов площади Верховного Святилища подойдёт и такой. Главное, чтобы ни единой травинки! Небесная Кобылица не любит траву, предпочитая пожирать души убитых храбрыми глорхами воинов. Своих или чужих, ей без разницы. Но своих приносить в жертву запретили пикты, рырхово удилище им промеж ушей.

Интересно, будет ли угодна Повелительнице Табунов кровь обитателей туманной империи?

Выползок вздрогнул всем телом, отгоняя страшную и крамольную мысль. Нет, хватит и этих. Первый – на выполнение глупого приказа не менее глупого Пашу Мозгол-нойона, а ещё трое – для пополнения собственной силы. И тогда она появится!

Появится настоящая сила, а не её призрак, навеянный рокотом бубна и чеканными словами заклинания. И вздрогнет степь, ужаснувшись и восхитившись мощью нового властителя. А с пиктийцами всегда можно договориться. Почему бы нет? – как выражаются легкомысленные торговцы вином из далёкой Легойи.

«Почему бы нет?»

– Гахха! – слова древнего языка, забытого всеми, кроме немногочисленных шаманов, использовались не только для камлания. Великолепные и сочные ругательства, о смысле которых можно лишь догадываться, тоже имелись. И успешно применялись.

– Лается наш жополюбец, – усмехнулся молчавший доселе родениец с едва подсохшим рубцом от удара меча через всё лицо.

– Он не наш, – тот, кого называли Твердятой, плюнул в бегущего вокруг жертвенного камня Арчу, но промахнулся. – Борис, ты неправ.

– В каком смысле?

– Пусть сам себя любит, мы-то здесь каким боком?

Выползок в очередной раз выругался, но не стал отвле-

катся от важного дела – стоит только ошибиться в порядке расстановки и очерёдности зажигания светильников, и все труды пойдут насмарку. А жертва пусть глумится, недолго ей осталось скалить зубы.

– Рырхово отродье! – вырвалось у Арчи произвольно, когда, наклонившись над седьмым светильником, он почувствовал прикосновение к щеке чего-то очень холодного и, скорее всего, очень острого.

– А вот за козла ответишь! – произнёсший это, несомненно, был родениемцем.

Еремей неодобрительно следил за действиями старшего десятника. Неужели он не знает, что с шаманами и прочими колдунами не стоит разговаривать? Ведь задурят и обманут, глаза отведут, пакость какую устроят. Гниловатый народец, эти колдуны.

Матвей будто прочитал мысли бывшего профессора и ударил глорхийца мечом – голова шамана упала в траву, а следом за ней рухнуло и тело. Барабаш брезгливо переступил через растекающуюся лужу и вытер клинок о грязный халат убитого. Баргузин читал о таком в книгах – каждый герой обязательно должен вытереть меч об одежду поверженного врага. А потом пнуть труп. Странная традиция, не правда ли?

Но командир, скорее всего, книг не читал. Поэтому не стал пинать мёртвого глорхийца, а обернулся к подчинённо-

му:

– Чего вытаращился? Ребят развяжи.

– Ага, – Еремей вытащил из-за голенища угрожающих размеров тесак и принялся резать стягивающие пленников ремни.

– Осторожнее, браток, – попросил один из несостоявшихся кандидатов в жертвы. – Отхватишь чего лишнее.

– А ты не трепыхайся, – пробормотал сквозь зубы Баргузин. Тупое трофейное железо с трудом одолевало толстую сыромятную кожу и всё норовило соскочить.

Твердята не стал дожидаться окончания опасной процедуры. Напрягся, рванул, и наполовину перепиленные путы лопнули с громким хлопком.

– Силён, – Матвей, осматривающий глорхийского шамана в надежде найти что-нибудь полезное, повернул голову. – Откуда такой?

Освободившийся боец с силой растёр затёкшие руки, встал с трудом, даже губу закусил, сдерживая стон, и доложил:

– Старшина пограничной стражи Твердимир Свистопляс. А это, – пограничник показал на поднимающихся на ноги товарищей, – вся моя застава.

Старший десятник уважительно кивнул. Отсюда до границы вёрст пятьсот, ежели не больше, и просто остаться в живых само по себе подвиг.

– Ещё наши тут есть?

– Есть, – Свистопляс ткнул пальцем куда-то в сторону села. – В сарае ещё шестеро мечников из Новогрудского полка, два бронеходца и раненый пластун.

– Он имя не назвал? – сразу оживился Барабаш.

– А ты... тоже?

– Кем я только в молодости не был, – усмехнулся Матвей и в свою очередь представился: – Старший десятник Матвей Барабаш.

– Профессор Баргузин, – Еремей тоже не пожелал остаться неизвестным.

– Борис.

– Глеб.

– Ксаверий.

– Энеец? – удивился Матвей.

Тот улыбнулся в ответ:

– Как сказал однажды Владыка – отныне нет в Отечестве нашем ни пелейца, ни яхвина...

– Добро. Все мы тут роденийцы, через три колоды да об пень с присвистом... Ладно, теперь о деле – мечи в руках удержать сможете?

– Обижаешь, командир, – перечёркнутое шрамом лицо Бориса дёрнулось, изображая злую усмешку. – Ты их нам только дай.

– Что, значит, дай? Пойди и возьми.

– И возьму! – пограничник покосился на кривую саблю шамана, которую Матвей за трофей не посчитал. – Я хоть

голыми руками...

— А вот это лишнее.

— Да я их...

— Ты их, — согласился Барабаш. — И они их. Мы все их. Ну что, бойцы, пошли добывать оружие и славу? Знаю я тут одно местечко...

Часовой у огромного каменного амбара, превращённого глорхийцами в склад трофейного оружия, отсутствовал. Нет, сам он, конечно, был, но вот мысли сидящего на корточках и раскачивающегося из стороны в сторону степняка пребывали в прекрасном далёко, прихватив с собой за компанию разум и сознание. А кожаный бурдюк с утаенным от всех чёрным кумысом ещё наполовину полон. Или наполовину пуст?

Воин не ломал голову над подобными вопросами, онпил и пел. Пил, громко хлюпая и отрывивая, а пел молча, где-то внутри себя. Песня получалась грустная и печальная, как судьба старшего брата, сожженного недавно, буквально только что, колдовством имперской охранной печати. Разве это смерть? Разве это достойная сына степей смерть? И какое может ожидать посмертие после гнусной мерзости проклятого огня? Ейю-бааттор заслужил большего, да будет милостива к нему Небесная Кобылица!

Кочевник так и умер в счастливом забытии. Лишь чуточку громче замычал, когда чья-то рука закрыла рот и потянула подбородок вверх, заставляя запрокинуть голову, а по горлу

прошёлся тупой зазубренный тесак. Толчок в спину, и часовой упал лицом вниз, прямо на опрокинувшийся бурдюк, мешая горячую кровь с шипящим и пузырящимся чёрным кумысом.

– Молодец, Ерёма, растёшь над собой! – похвалил старший десятник ощупывающего труп профессора. – Самочувствие-то как?

– Нормально, – Баргузин пожал плечами и прислушался к внутренним ощущениям.

Нет, действительно нормально, только ноги гудят да жрать хочется так, что желудок уже не воет, а скулит тонко и жалобно, выпрашивая забросить в него хоть что-нибудь. Хоть суслика сырого прямо в шкуре – лишь бы было. А Матвей странный какой-то, недавно ещё ругал ругательно, а сейчас о самочувствии спрашивает. Старееет, наверное, потому становится добрым.

Слева послышалось уханье горной совы и сразу же – тьяканье серебристой лисицы. Тихий голос из темноты сообщил:

– Мы закончили, командир.

– Потери?

– Наши?

– Зачем мне знать о чужих?

– Все целы.

– Пленных освободили? Как они там?

– Хреново, – Борис, это был он, подошел ближе. – Нас

четверых и выбрали в жертву, потому что на ногах стоять могли...

– Плохо.

– Оголодали ребята сильно.

– Утром разберёмся.

– Угу.

– Не угукай, не филин, лучше зови всех сюда. А ты, Ерёма, скажи мне как учёный человек, вас в Университете замки вскрывать учили?

Баргузин задумчиво почесал кончик носа:

– Станные у тебя представления о наших учебных заведениях, командир.

– Бестолочи вы все там безрукие.

– Какие есть. А не проще ли сунуть под дверь оставшийся горшок с гремучим студнем?

– Дурак, да?

– Чего такого-то?

– А потом что, подумал? – Матвей показал вдаль, где на окраине села виднелись выделяющиеся на фоне светлеющего неба шатры глорхийцев. – Устроим праздник с песнями и плясками, а чем гостей угощать будем? Нет, Еремей, пластун из тебя не получится.

– Не больно и хотелось, – оскорблённый в лучших чувствах профессор отвернулся от старшего десятника и принялся рассматривать громадный замок на амбарной двери. Покойная бабушка почти таким же запирала кладовку, на-

прасно надеясь, что дед не доберётся до запасов хранимой к праздникам ракии. Хотя чего там добираться? Дедушка пользовался шилом и кривым гвоздём. А если попробовать поковыряться остриём ножа?

– А говорил, будто не учили! – Барабаш хлопнул Еремея по плечу и ногой отшвырнул упавшее на землю творение деревенских кузнецов. – Всегда догадывался, что знание – сила!

Склад не поражал воображение разнообразием содержимого, но дал бы сто очков вперёд оружейному хранилищу любой пограничной заставы. Так, во всяком случае, утверждал старшина Твердимир Свистопляс, а ему врать присяга не позволяет. Он же первым и заметил скромно стоящую в тёмном углу треногу, небрежно прикрытую рваной мешковиной.

– Командир, да это же...

– Ага, – Матвей потянул на себя грязную тряпку. – Станковая шестиствольная огнеплюйка. «Дырокол Шлюкса-Кульбарта», сокращённо – ДШК.

– Потрясающе! – пограничник спрятал руки за спину, видимо сдерживая естественное для мужчины желание произвести неполную разборку-сборку оружия. – Поверить не могу, как же пикты нам его оставили?

– Это не нам, это вообще оставили, – уточнил Барабаш. – Самим пользоваться нельзя, ихняя магия с кристаллами не

дружит – чего-то там не совмещается и может в любой момент взорваться.

– А глорхи?

– Да кто же аблизьянам чего серьёзное доверит? Вот ты думаешь, почему у них луков нет?

– А должны?

– Кочевник без лука – это не кочевник, а сущее недоразумение.

– Так почему же...

– Потому что мозгов у них тоже нет, в драконов стрелять начинают. Добыча вроде как.

– Инстинкты? – блеснул учёным словом Еремей.

– Они самые. Летающим ящерицам на стрелы чихать, но по имперским законам виновные в нападении на пиктийского аристократа подлежат уничтожению. Как сами, так и вся родня их – до седьмого колена.

– А воевать-то кто будет?

– Вот они так и подумали.

Но профессор уже не слушал дальнейший разговор Барабаша и Свистопляса, его внимание было занято совсем другим. Ручная огнеплойка, такая знакомая и родная... С ореховым ложом и поцарапанной крышкой кристаллоприёмника... Одна из многих тысяч, выпущенных на заводах Родении... Но именно та, что верно служила в первом бою у безымянной рощи. Почему она светится в темноте?

Горячий комок в горле. И странно щиплет глаза. Рука тя-

нется погладить зарубки на твёрдом дереве. Одна, две, три... пять... восемь... Можно не считать, их там двенадцать. Как она сюда попала?

– Матвей, – голос Баргузина прозвучал подобно царапанию железа по стеклу. – Матвей, это же моя...

Старший десятник проследил за взглядом профессора и вздрогнул.

– Что? – забеспокоился Еремей.

– Ничего, – Барабаш закусил губу. – Ничего.

– Врёшь.

– Вру. Тебе обязательно нужно знать правду?

– Нужно.

– Зачем?

– Потому что она – правда.

– Горькая.

– Пусть.

Матвей потянулся к светящейся огнеплюйке, но вдруг резко отдёргнул руку:

– Ты теперь воин.

– Я и раньше...

– Раньше не так. Я слышал о подобном, извини, но... так бывает.

– Говори.

– Оружие и ты стали одним целым. Вы нашли друг друга, понимаешь? Половинки души.

– Это как?

– Вот так. Руку подними!

Еремей выполнил неожиданную команду, а огнеплюйка сама собой взмыла в воздух и со шлепком впечаталась в раскрытую ладонь.

– Так бывает, Ерёма, – повторил старший десятник. – Редко, но бывает.

– И что оно обозначает?

– Вечный бой, – грустно усмехнулся Матвей. – Ты живой, пока воюешь. Извини, брат, но это – судьба.

Глава 4

Горные совы в отличие от равнинных пернатых собратьев и сестёр, ведут дневной образ жизни. Попробуй засни, если наглые и жадные вороны, извечные соперники и конкуренты, слетятся со всей округи на давно облюбованную добычу и всё сожрут. Сволочи они, эти вороны.

– Кыш, проклятые! – Матвей бросил камень в падалыщика, нацелившегося клювом на блестящие от слёз глаза Мозгол-нойона. – Кыш, уроды лупоглазые! Вот сдохнет, тогда и прилетайте.

Степняка растянули между вбитыми в землю колышками – после увиденного в деревне было бы неоправданным милосердием даровать ему лёгкую смерть. Когда-то старшего десятника учили подобному, и если наказуемый умирал быстрее трёх дней... но то в молодости, в неопытной молодости. А вот этот жирный кочевник может рассчитывать на неделю. Уж столько-то Матвей Барабаш сможет удержать его на грани жизни и смерти.

– И охота тебе, командир, с дерьмом возиться?

– Отстань! – Старший десятник проводил взглядом уходящего профессора и крикнул в спину: – Оружие почистить не забудь!

– Не забуду, – буркнул Еремей и скривился от воспоминаний прошедшего утра. Неприятных воспоминаний.

Баргузин явственно представил утренний бой. Нет, не бой... бойня, скорее всего. Когда по спящим в походных шатрах глорхийцам бьет ДШК, а спасающихся степняков встречают меткие выстрелы ручных огнеплюек, то это трудно назвать боем. Резня? Может быть, и резня. Может, если бы дело дошло до белого оружия. Нет, вопящих кочевников, выскакивающих из горящих шатров, уничтожили на расстоянии, брезгуя сходиться врукопашную. И лишь потом, когда всё закончилось, роденийцы ходили по полю, добывая стонущих раненых.

Странное единение с огнеплюйкой чувствовал сегодня Еремей. Он выбирал цель, а она делала всё, чтобы попавшая в прорезь прицела мишень не ушла. Огненные шары совершали немислимые пируэты, попирали все законы магии и физики, но всё равно находили жертв. Лежащих, бегающих, поднявших руки... Благородная ярость не нуждается в пленных.

Единственный, кого взяли живьём, был застигнут врасплох пограничным старшиной Свистоплясом в самом начале случившейся заварухи. Выползающему из самого большого и яркого шатра нойону дали по башке, стянули ремнями по рукам и ногам да бросили в ближайшую канаву, дабы никто случайно не прикончил бедолагу. Под «никто» подразумевался старший десятник Барабаш, самозабвенно поливавший стоянку кочевников из всех шести стволов станковой огнеплюйки. А утром Пашу Мозгула отыскиали... к боль-

шому разочарованию последнего, напрасно надеявшегося на шальной огнешар.

— А не желает ли блистательный кагул облегчить душу беседой о превратностях военных судеб? — с преувеличенной вежливостью обратился Матвей к пленнику. И, не услышав ответа, пнул того под рёбра. — Поговорим?

Степняк скрипнул зубами — назвать воина кагулом, то есть винторогой свиньёй, не брезгающей падалью, означало смертельно оскорбить. Такое смывается кровью обидчика, а ещё лучше — заставить его сожрать собственные кишки...

— Нам не о чем говорить.

— Ну как же? — удивился Барабаш. — Есть многое на свете, что может заинтересовать такого любознательного человека, как я.

— Убей.

— Ты куда-то торопишься? Ближайшие пять дней я совершенно свободен.

— У тебя не будет этих пяти дней. И двух не будет. Сегодня... — глорхиец прикусил язык, сообразив, что сказал лишнего.

— Да? Забавно-забавно... Вот с этого места давай-ка подробнее.

Война войной, а обед по распорядку. Простейшую и самую важную заповедь в роденийской армии знали даже штабные писаря, пограничники же предпочитали не рассуж-

дать о теории, а сразу перейти к практике. Весело булькало варево в котле над костром, на двадцать шагов распространя запах крепкого бульона – он для раненых и оголодавших товарищей. По здравом размышлении жирного барашка из глорхийских запасов им готовить не рискнули, а вот в меру постный, но упитанный любимый скакун Мозгол-нойона как раз подошёл.

Ксаверию, как самому молодому, выпала почётная обязанность следить сразу за всем. Одной рукой снимал пену с бульона, другой переворачивал над угольями прутики с шипящими кусками конины... и не успевал нигде. Говорят, будто за Тибскими горами в стране Хунд живут шестирукие бабы с тремя глазами... Сюда бы такую, а то ещё нужно нарезать найденную в ближайшем огороде зелень, попробовать варево на соль, разложить чёрствые лепёшки. И чтоб всё одновременно. А если нет шестируких, тогда обычную. И лучше – четыре штуки.

– О чём замечтался? – подошедший Глеб бросил у костра охапку дров. – Как думаешь, дождя сегодня не будет?

– С чего бы это?

– Да степняк слишком тонким голосом орёт, видать, к непогоде.

– Ну не скажи, – не согласился Ксаверий. – Дожди в предгорьях случаются гораздо реже, чем глорхийцы, так что здесь твои приметы не действуют.

– Может быть, – не стал спорить Глеб и потянулся к пру-

тику с мясом. – Пробу не пора снимать?

Не дожидаясь ответа, впился зубами, вдумчиво прожевал.

– Ну?

– Пойдёт с голодухи. Горячее сырым не бывает. Звать всех?

– Да командир сам сюда бежит, – засмеялся пограничник. – Хороший десятник жратву за версту учует.

Но Барабаш ещё издали замахал руками:

– Туши костёр!

– Что случилось? – сидевший около раненых Свистопляс повернул голову. – Или у тебя в брюхе не свистит?

– Сейчас пиктийские драконеры прилетят и всех накормят, – уже спокойным голосом произнёс Матвей. – Глорхец тут поведал кое о чём.

– Плохо, – пограничный старшина рывком поднялся на ноги. – Когда?

– Не позднее полудня.

– Вполне успеем.

– И порядок навести успеем? – старший десятник показал на всё ещё тлеющие остатки шатров. – Хоть бы времянки какие поставить, чтобы с воздуха сразу не разглядели. А уж ежели сядут...

Удивительно, но мысль отступить и укрыться в соляной шахте не посетила никого. Вместо неё пришла злость. Испепеляющая злость пополам с ненавистью.

– Сколько их будет?

– Этот урод сам не знает, – Барабаш аж сплюнул с досады. – Ему приказали ждать здесь и по прибытии пиктийцев обеспечить драконов едой. А колдунов энергией.

– В каком смысле? – недоуменно спросил Ксаверий.

– В самом прямом – тебя собрались скушать.

– А харя не треснет? – теперь вместо недоумения в голосе пограничника звучала злость.

– У меня? – удивился Матвей.

– Ты-то здесь при чём?

– А-а-а, тогда понятно. Давай, – и Барабаш хлопнул старшину по плечу, – поднимай бойцов и за работу. И это... раненых в дом занесите.

Твердимир сжал кулаки – после того, что сделали степняки с населением Большого Лабаза, находиться внутри приземистых, крытых сланцем домиков тяжело даже выдавшему виды пограничнику. Старшина не считал себя неженкой, и эта война стала третьей в его жизни, но тут... Нельзя так.... будто и не люди вовсе.

Поесть всё же успели, благо Еремей Баргузин высказал предложение, сильно сэкономившее время и силы.

– Зачем мы будем ставить шатры? – спросил он у руководящего расчисткой Барабаша.

– Маскировка, – пояснил старший десятник. – Что тут непонятного?

– Вроде всё понятно, но ведь шаман для чего-то хотел по-

ставить завесу невидимости.

– Так не успел.

– Это мы с тобой знаем, что не успел, а они? – бывший профессор указал пальцем в небо. – Прилетят, ничего не увидят и решат, что всё в полном порядке. Короче – темна вода во облацех...

– Попроще не можешь? – скривился, как от незрелого яблока, Барабаш.

– Могу. На месте пиктийского командира я так бы и подумал. Тем более внизу всего лишь кочевники.

– Ну и что?

– Ты когда приходишь в хлебную лавку, то запоминаешь, в каком углу который таракан сидит?

– Логично, – Матвей блеснул услышанным невзначай учёным словом.

У Баргузина ворохнулось в груди что-то горячее, а сердце не слишком заторопилось с новым ударом – именно так он когда-то ответил юной рассудительной девушке, жившей по соседству. Ветреная красавица подробно и обстоятельно объяснила подающему надежды, но безденежному и голодному студенту причины своего отказа. Да, и Еремей был молодым и влюблённым... одну жизнь назад? Давно, очень давно.

– Разреши встать к ДШК, командир.

– Зачем?

– Так надо.

Матвей прочитал на лице профессора нечто, не позволившее ответить отрицательно. Только кивнул молча и ушёл к пограничникам, раскладываящим поверх пепелища пласты свеженарезанного дёрна.

– Поскорее бы прилетели, – старшина выплюнул травинку и перевернулся на спину. – Ненавижу ожидание.

– Как тебя, такого прыткого, в пограничники взяли? – Барабаш внешне не проявлял признаков нетерпения, только голос звучал суше обыкновенного.

– Это наследственное, – Твердимир закрыл глаза и улыбнулся. – Шесть поколений Свистоплясов на границе служили, а я чем хуже? Дети подрастут, и они пойдут.

– Много детей?

– Нет, всего четверо сыновей. Я же только два года как женился.

Барабаш удивлённо присвистнул и спросил:

– Как это умудрился?

– Близнецы, – ухмыльнулся пограничник. – А ты про что подумал?

Матвей заржал не хуже недавно съеденного нойонова иноходца, но от ответа уклонился. Вместо этого он поднял руку, призывая к молчанию, и прошептал:

– Кузнечики смолкли.

Так и есть, даже дикие пчёлы, неизвестно с чего собирающие горький мёд на этой выжженной солнцем земле, и те по-

прятались, как перед грозой. Неужели правду говорят, будто насекомые чувствуют приближение драконов за многие вёрсты? Сейчас как раз случай убедиться в правдивости слухов.

– Только бы сели поближе, – старший десятник погладил тёплую рукоять одноразовой трубы с «громом небесным». Три штуки их нашлось в амбаре. Всего три штуки. – Только бы сели вообще.

Барабаш твёрдо решил не испытывать судьбу и не атаковать тварей, пока они в воздухе. Сколько их будет? Шесть, девять? А если вообще дюжиной нагрянут? «Громобой» не чудо-оружие, и порой двух выстрелов мало на живучую и вертлявую скотину. На земле же появляется шанс накрыть наездников. Без них страшные драконы останутся тем, кем и были изначально, – огромными тупыми ящерицами, беспомощными без управляющей магии. И, значит, полуслепыми и уязвимыми.

– Ага, вот они, красавцы, – Твердимир первым увидел гостей.

Драконы заходили на село со стороны солнца, как и предписывали имперские наставления. Головная тройка на длинных поджарых тварях, скорее всего разведчики, пронеслась низко. Так низко, что мелко-мелко задрожали немногочисленные оставшиеся целыми стёкла в домах. Второе звено прошло по широкой дуге, огибая Большой Лабаз противосолонь. Хорошо ублюдков учат – даже в своём тылу выполняют маневры, позволяющие при случае увернуться от заряда

«грома небесного».

– Дисциплинированные, мать их за ногу через пень да об колоду, – вполголоса выругался Матвей.

Учёное слово как нельзя лучше показывало отношение старшего десятника к противнику – остальные эпитеты заставили бы стыдливо покраснеть даже покойного скакуна глорхийского нойона. Роденийский язык всегда отличался сочностью и выразительностью, а появляющиеся после каждого Великого Замещения Владыки новые выражения быстро теряли чужеродность, органично вписываясь... да, вписываясь! Особенно ругательства.

Немного покружив и не обнаружив угрозы, пикты пошли на посадку. Сначала первое звено – ведущий, а по бокам и чуть сзади, ведомые, – приземлилось на месте бывшего лагеря кочевников. Площадка удобная, ровная, и есть где остановиться пробежку, не рискуя забодать с разгону неожиданное препятствие. Башке, конечно, ничего не будет, но пристёгнутых к сёдлам наездников ощутимо бросит вперёд, чего они крайне не любят.

Захлопали крылья тормозящих тварей, подняв тучи пыли и песка. Дёрн, закрывающий обгоревшие проплешины, вроде бы не сдвинулся? Нет, ещё держится.

Вторая тройка дождалась, когда дракониры из первого звена слезут на землю и помашут руками. Показывая, что всё в порядке и можно садиться. И чего они сегодня такие осторожные? Не иначе накурились пыльцы хундской синей

полыни, обостряющей реакцию, слух и зрение, но при чрезмерном употреблении дающей чувство некоторой неуверенности в собственных силах.

Но вот и эти наконец сели. Матвей, улыбнувшись двусмысленности, прогнал нарисовавшуюся в воображении похабную картинку с участием пиктийцев, драконов, винторогих кагулов и всех их родственников, как по мужской, так и по женской линии. Не стоит глумиться над будущими покойниками, даже если они пока ещё живы. Недостойно сие роденийского солдата. Если можешь убить – убей, если не можешь – всё равно убей, но не насмехайся. Или насмехайся, но осознавай в глубине души недостойность поступка. Иначе как-то не по-роденийски, то есть не по-человечески...

– Ну что, Твердыта, – спросил старший десятник, выставив взрыватель «грома небесного» на предельную дистанцию в пятьсот шагов, – к борьбе за светлое будущее готов?

– Всегда готов! – Свистопляс ответил старинным кличем роденийской пограничной стражи, ведущим происхождение из немыслимой глубины веков. – И козью морду им покажем!

Баргузин сидел в полуразвалившемся доме на самой окраине. Стволы станковой огнеплойки чуть высывались из окна и, казалось, принюхивались к окрестностям жадными до добычи хоботками. Как вышедшая на охоту гидра из пелеевских сказок – хищная и прожорливая.

Еремей крепко сжимал рукояти ДШК, но глаза его были закрыты. Просто почувствовал где-то внутри непреодолимое желание закрыть их. Нет, даже не желание, острую потребность, которой не стал противиться.

– Эстерра эт меноэсс... – губы шептали непонятные слова на неизвестном языке. – Мор-р-р-та...

Назначенный вторым номером расчёта Ксаверий опасливо попытался отодвинуться в сторону, но был остановлен резким окриком, разительно отличающимся от обычно мягкого голоса бывшего профессора:

– Стоять! Куда собрался?

– Да мне тут надо...

– Перебьёшься!

Глаза всё так же закрыты. Зачем открывать, если зелёный светящийся ореол вокруг напарника виден, даже если тот находится за спиной? И пульсирующее внутри пограничника тёмное пятно страха. Не за собственную жизнь – чувство самосохранения у пограничника давно сгорело и подёрнулось пеплом, а страх подвести друзей в предстоящем бою. Да, на самом деле друзей – едва заметные, до звона натянутые нити тянутся ко всем без исключения и излучают тепло и беспокойство. Ко всем, и к нему в том числе.

– Летар-р-р-а д`дэй...

Застучали в висках маленькие молоточки, а сердце вторило им, не успевая за стремительным темпом. Летят? Да, летят, кагуловы выродки.

Драконы виделись чёрными кляксами на синем фоне, и профессор был удивлён, что смотрит не глазами, а каким-то неведомым органом зрения. А может, и не зрения, что там позволяет глядеть сквозь стены, да ещё и затылком? Магия? Бред, нормальные роденийцы пользуются магией Владыки, данной ему Тριάдой, но не владеют ею. Иначе какая-то неправильность получается... как можно сравнивать просто-го учёного-книжника с...

Еремей поморщился – Владыка не любил звучных эпитетов и попытку подобрать их наверняка счёл бы оскорблением. Скромный он, даже данное при рождении имя засекретил до полной невозможности, предпочитая безликий титул.

– Ксаверий, приготовься.

– Уже летят?

– Нет, завтра к вечеру будут! – Баргузин с неожиданной злостью плюнул на кучу упавшей с провалившийся крыши черепицы и обернулся ко второму номеру. – Кристаллы наготове держи.

Пограничник отшатнулся и прошептал внезапно побелевшими губами:

– Ты... ты...

– Я! Причём уже давно я. Что случилось?

– Вот, – Ксаверий рукоятку вперёд протянул отполированный многими поколениями воинов боевой нож. – Посмотри сам.

– Не девка! – бросил профессор, но всё же взглянул на

блестящее лезвие. — Мать, мать, мать...

С холодного металла на него смотрели безжизненные глаза чудовища в человеческом обличье — тусклое серебро проклинаемого всеми живущими Эрлиха Белоглазого.

— Еремей, так ведь это...

— Заткнись! Они уже над нами!

Два звена. Шесть драконов. Двенадцать пиктийцев. Против шестерых людей. Те, что приземляются сейчас на поле, они не люди. Не люди... нелюди!

Вспотели ладони, стиснувшие рукоятки станковой огнестрельной, но сердце перестало отбивать дробь и стучит редко и ровно. И со зрением опять творится что-то неладное... Оно услужливо приближает картинку спешающих драконов, рисуя красными пятнами уязвимые места их крылатых тварей. Не время. Пока ещё не время — первым должен выстрелить старший десятник. Ну что же ты медлишь, Матвей? Уже вторая тройка садится! Ну?

Фыркнул вышибный заряд «грома небесного», подняв тучу чуть красноватой пыли. Взрыв алхимической смеси нужен лишь для первоначального толчка, потом заточённое в рубашку из хрупкого пористого «свиного железа» заклинание начинает жить собственной жизнью. Короткой, всего в несколько мгновений, но подчинённой единственной цели — долететь и ударить. Мощь Владыки велика, и сгусток энергии внутри снаряда обладает подобием разума, позволяюще-

го увернуться от огненных плевков всполошившихся драконов. А если одновременно три выстрела?

Матвею определённо уже который день ворожит удача – его «громобой» рванул прямо над головами попрятавшихся за тварями пиктийцев, осыпав тех множеством мельчайших осколков. Вообще это оружие предназначено для того, чтобы, пробив прочную драконью чешую, рвать внутренности летающих ублюдков, не давая возможности воспользоваться ускоренным заживлением. При таких поражениях никакая регенерация, будь она хоть трижды ускоренная, не помогает зарастить раны, и дракон умирает не столько от них, сколько от истощения.

Но сегодня важнее выбить всадников, и лучше издалека, не подходя ближе десяти шагов. Иначе беда – не заметишь сам, как станешь для колдунов лакомой пищей и аптечкой первой помощи. Высосут досуха, поправят здоровьечко... а осинового кола на сотни вёрст в округе ни одного не сыскать. Нет, лучше уж вот так.

Снаряд пограничного старшины упал с небольшим недолётом, но, как камушек от воды при игре в блинчики, отрикошетил от каменистой почвы и воткнулся в живот размахивающего руками пиктийца. Ну что же... замечательная кольчуга двойного плетения не удержала удар, а её кольца послужили славным дополнением к щедрой порции раскалённых кусочков металла. И тут же бухнул разрыв третьего заряда, выпущенного спрятавшимся на противоположной сто-

роне поля Борисом.

Этот, как гигантским топором, снёс драконью голову, но силы бьющего почти в упор заклинания хватило на преодоление непредвиденного препятствия, и роденийский подарок, потеряв скорость, кувыркнулся под ноги орущим что-то колдунам.

Двух ударов сердца не прошло с момента выстрела, а в следующее мгновение загудел «Дырокол» профессора Баргузина. Еремей палил длинными очередями, будто в его ДШК вставлен сказочный Бездонный Кристалл. Он что, пьяный? Нет, это огненные шары пьяные – вместо того, чтобы, как всем нормальным разрядам из станковой огнеплюйки, лететь по прямой туда, куда их послали, безумные огоньки устроили хоровод вокруг ревущих в бешенстве драконов, а попав под струю изрыгаемого теми пламени, не развоплощались, как бывало обычно, а становились крупнее и ярче.

Вот их мельтешение ускорилося, затягивая в круг всё новых посланцев чокнутого профессора, слилось в сплошную полосу и рухнуло вниз.

– Что это было, Матвей? – вскочивший на ноги Свистопляс вытирал с лица желто-зелёную слизь, заменяющую драконам нормальную красную кровь, и погрозил кулаком в сторону полуразвалившегося домика на окраине села. – Еремей, морда учёная, ты что творишь, гад?

– погоди, Твердыта, а вдруг это не он? Вдруг драконы са-

ми по себе раз – и... бабахнули?

Пограничник пнул оторванную драконью голову с вывалившимся набок синим языком и кивнул на усеянное бесформенными ошмётками поле:

– Сами по себе?

– Да.

– Бабахнули?

– Ага.

– И ты сам этому веришь?

– Но, кроме благостности и могущества Владыки, нужно верить хоть во что-то еще.

– Но не в сказки.

Барабаш сердито засопел, в глубине души признавая правоту Свистопляса. Но, как старший по званию, в том признаться не мог.

– Ладно, разберёмся. Драконью печёнку не хочешь поискать?

– В этом месиве?

– Ну и что? Вкуснейшая, говорят, штука. И раненым полезно – любые раны на раз заживляет. Да ещё одно свойство есть, – хотя рядом никого не было, Матвей оглянулся и что-то зашептал Твердимиру в ухо.

– Да ты что? – радостно изумился тот. – Точно на всю жизнь?

– А чего мне врать-то? – вопросом ответил старший десятник. – Один раз наешься печёнки от пуза и до глубокой

старости пользуйся. И даже древним стариком, но с осторожностью. По-научному называется побочным эффектом, во!

– Ух! – старшина в предвкушении потёр ладони, но тут же опомнился. – А с Еремеем как же?

– А куда он денется, наш профессор? Никуда он не пропадёт, на запах жареного сам прибежит. Или ты думаешь, что учёным людям того-этого не требуется?

– А средство точно верное?

– Вернее не бывает! – подтвердил Барабаш. – На что спорим, что лет через тридцать половина пограничной стражи будет звать тебя папой?

– Четверть.

– Почему так мало?

– Я же здесь не один пограничник.

– Правильно! – одобрил Матвей. – Сам погибай, а товарища...

Договорить он не успел – длинная и острая сосулька размером с наконечник кавалерийской пики появилась из ниоткуда и ударила старшего десятника в грудь.

– Прекратить стрельбу! Живым ублюдка брать! – неожиданно сильный голос Еремея с большим трудом перекрыл фыркание огнеплюек и громкую ругань пограничников. – Прекратить!

На поле творилась вакханалия – кажется, так древние пелейцы называли свой самый разгульный, бестолковый и кро-

вавый праздник. Или это были древние энейцы? Да какая разница. Всё равно ни тех и ни других давно нет в живых, в отличие от пиктийского колдуна, укрывшегося за магическим щитом от огненных шаров роденийцев. Бойцы во главе со старшиной Свистоплясом палили с ожесточением, совсем не жалея зарядов кристаллов, но не решались приблизиться к единственному уцелевшему дракониру, справедливо опасаясь боевых заклинаний имперского мага.

Тот, по всей видимости, сильно ранен, иначе бы пограничникам пришлось туго. В наездники драконов берут исключительно аристократов, а их с детства обучают работать из-за щита. В Пиктии лишь колдовство считается достойной благородного д'ора работой. И, в некоторой степени, торговля товарами вроде выдержанных вин, драгоценностей и рабов с Эриванских островов.

– Ерёма, ты совсем сдурел? – Твердимир выпустил ещё пару огненных шаров и обернулся к профессору. – Еремей, это ты?

Удивление старшины вполне объяснимо – вместо добродушного и слегка недотёпистого бывшего учёного, мишеню для беззлобных подначек старшего десятника, перед ним стоял кто-то неуловимо знакомый, но совсем непонятный. Резко осунувшееся лицо, заострившийся нос, вдруг оказавшийся похожим на клюв хищной птицы, полностью седые волосы и глаза... Глаза без зрачков и белков, в которых тусклое серебро внезапно вспыхивает блеском живой ртути, а

потом гаснет, прячась за неподвижным холодным льдом.

– Не стрелять, – прошептал Еремей, но именно этот шёпот был воспринят пограничниками как сигнал горна, трубящего выход из боя. – Не стрелять. Я иду.

Он шёл вперёд, не обращая внимания на вражеские заклинания. Ледяные копыа необъяснимым образом пролетали мимо, шаровые молнии кружили над его головой на безопасном расстоянии и всё норовили вернуться к пославшему их, а попытка колдуна вскипятить кровь в жилах роденийца вызвала лишь приятное тепло и удивительную бодрость во всём теле. Замечательная штука, эта магия! Будто и не было долгих переходов по предгорьям, нескольких бессонных ночей, охоты на глорхийского шамана, уничтожения почти двух сотен кочевников... Мир стал прекрасен, и даже жаркое солнце на небе показалось не таким уж злым и палящим.

– А вот и гости пожаловали! – Еремей положил ладонь на переливающийся всеми цветами радуги щит драконира. Интересно, он ведь только что был совсем прозрачным. – Ты извини, что без приглашения, но ведь сам понимаешь...

Защита пиктийца пошла причудливыми разводами, совсем как мыльный пузырь, готовый вот-вот лопнуть. Негромкий хлопок... вот уже и нет ничего. И сразу же удар неизвестно когда оказавшимся в руке мечом по протянувшимся от колдуна невидимым щупальцам, внутренним зрением показанным как чёрные когтистые плети, усыпанные розовыми присосками. Может, на самом деле они совсем

иначе выглядят, но так ли это важно?

– Не верещи! – сильным тычком в зубы профессор заставил противника замолчать. Но нет, почти сразу же тот вновь подал голос, но сменил тоскливый вой ужаса на обычные всхлипывания морально раздавленного человека. Ещё шакалы такие же звуки издают, когда на них наступит степной слон. – Говорить будем?

– Да, – драконир со страхом взглянул на угрожающе нависающего роденийца. – Да, господин.

Этого не может быть, потому что не может быть никогда, но это есть! Проклятый тёмный совсем нечувствителен к магии. Нет, не так, он чувствителен, но магия на него не действует. Мощнейшие заклинания, а конт Фергюс Брависсий справедливо входил в тридцатку сильнейших магов Империи, не доставали до странного человека. Создавалось впечатление, что комары представляют для неизвестного воина большую опасность, чем веками оттачиваемое боевое искусство.

И самое ужасное – родениец не только сожрал всю энергию, но и умудрился обрубить простым мечом каналы подпитки. Как от мухи отмахнулся.

– Что же ты молчишь, милоч? – делано удивился Еремей. – Обещал соловьём заливаться и вот обманул. Это нехорошо.

На этот раз он не стал прикасаться к конту, просто сделал неумовимое движение, и Брависсий задохнулся от боли.

От той самой боли, при которой смерть кажется далёким и недостижимым отдыхом. Боли, продолжающейся вечность и многие тысячелетия после вечности. Боль-жизнь, боль-судьба. Не уйти, не скрыться, не спрятаться в беспмятное блаженство.

– Вот оно как! – профессор вслушивался во что-то, слышимое только ему одному, и брезгливо морщился. В ощущении вывернутого наизнанку чужого мозга вообще мало приятного. – А это у нас что?

Поразительно, но в помойке, называющейся мыслями пиктийского конта, попадают интересные сведения! Владыка должен обязательно узнать о них. Дело за малым – найти способ передать. И как всё-таки жалко, что среди отбитых трофеев не нашлось шасса – пирамидки со встроенным кристаллом дальней связи. Ладно, повезёт в другой раз!

– Ну ты и везучий! – Свистопляс ощупывал старшего десятника со всех сторон и никак не мог поверить, что тот остался в живых после пойманного грудью ледяного копья. – Вот же вы с Еремеем два сапога пара, и оба на одну ногу! Матвей, признайся, ты тоже... того?

– Что значит того? – возмутился Барабаш, стягивая через голову порванную кольчугу. – Если какая-то сволочь сомневается в моей нормальности...

И опять не успел договорить – толстая тетрадь в твёрдой кожаной обложке выпала из пришитого к поддоспешнику

кармана, видимо, зацепившись за повреждённые кольца, и шлёпнулась к ногам. Ветерок тут же воспользовался моментом и зашелестел страницами, исписанными неровными, с многочисленными исправлениями и зачёркиваниями строчками. Старшина нагнулся, но был остановлен резким окриком:

– Не трогай!

– И не собирался, – Свистопляс сделал вид, будто заинтересовался красивым камешком. – Слушай, Матвей, а что там?

– Тебе не всё ли равно? – Барабаш бережно поднял тетрадь, спасшую его жизнь, и осторожно погладил края рваной дыры. – Почти половину листов насквозь, сука... Вот же гнида пиктийская!

– Ну всё-таки? – не отставал Твердимир.

– Стихи там. Мои, – старший десятник внимательно осмотрел пограничников, готовый дать в рыло каждому, у кого увидит хоть тень улыбки.

Улыбающихся не нашлось. Но всё испортил появившийся со спины профессор Баргузин:

– Триада хранит дураков и поэтов, Матвей! А чтобы легче хранить, оба состояния души часто совмещают. Извини, брат, это судьба!

Глава 5

Огромные поленья драгоценного кайенского белого дуба полыхали в камине, давая столь необходимое в вечном тумане столицы тепло. Горит благородное дерево, за одно полено которого пиктийскому виллану нужно было бы работать года три. Только зачем это обычному виллану? У говорящих животных, от темна до темна копошащихся в земле, нет чувства прекрасного. Быдло не способно оценить всю прелесть замысловатой игры язычков пламени и тонкий аромат древесины, впитавшей соль и солнце далёких островов.

На столике – игристое легойское в кубках тонкого стекла, оправленного в красное золото Гийони. Юный паж застыл в почтительном ожидании. Сколько ему? Десять? Двенадцать? Благородный неудачник из хорошей семьи – в его возрасте многие уже ведут дракона в атаку и упиваются могуществом боевых заклинаний, впервые испробованных на противнике. Этот бездарен. Так бывает – среди аристократов иногда рождаются лишённые дара уроды с древней, но бесполезной кровью в жилах. До эпохи Альбина Великого таких попросту убивали, но с тех пор милостью Благого Вестника общество стало добрее. Пусть живут и приносят хоть какую-то пользу.

– Прошу простить за дурные вести, великодушная мона, – эрл Эрдалер склонил голову, не вставая с кресла.

Наедине можно пренебречь древней привилегией стоять

в присутствии Повелительницы. Это всё ничего не значащие условности. Правда, называть императрицу по имени лорд-протектор не стал, хотя о помолвке было объявлено ещё во время Большого Смотра, ставшего прелюдией к вторжению в Родению.

– Говори, Филиорн, – в голосе усталость и шорох осыпающегося инея. Война дорого обходится Элизии Пиктийской. – Говори.

– Наши войска намертво застряли на подступах к роденийской столице, великодушная мониа, а мои источники в Цитадели сообщают, что Владыка справился с болезнью и постепенно набирает былую мощь.

– И что же? – тонкая бровь на бледном лице вопросительно изогнулась. Показательно – обычно императрица невозмутима. – Насколько я помню, шахты энергетических кристаллов захвачены в первые недели войны. Сейчас вам противостоит вооружённый копьями и мечами сброд. Разве не смешно – вилланы с палками и длинными ножами сдерживают напор имперских магов?

– Всё не так просто, – лорд-протектор говорил негромко, но решительно. – Роденийцы выходят из положения, заменяя энергию алхимией. Гэльский полк огневой поддержки потерял двадцать семь драконов, сбитых стрелами огромных арбалетов.

– Оружие голытьбы.

– Да, но если полый наконечник снаряжён гремучим студ-

нем... А глорхийскую пехоту рвёт в клочья заложенными на дорогах минами, и мы не в состоянии их обнаружить. Там нет ни магии, ни энергии. Даже малой толики.

– Всегда можно послать вперёд других. С каких пор ты стал жалеть кочевников, Филиорн?

Эрдалер мысленно послал глупую бабу к Эрлиху Белоглазому, но вслух постарался объяснить предельно вежливо:

– Лето закончилось.

– Я знаю.

– Сезон штормов не позволит перебросить подкрепления не то что вовремя, а вообще. Захват части портов северного побережья Родении не принёс стратегической выгоды. От ста тридцати тысяч задействованных в войне глорхийцев осталась едва ли половина, и потери увеличиваются с каждым днём. Разбить противника в приграничных сражениях – мало, нужно ещё и контролировать его территорию. Кто из благородных д'оров добровольно согласится сидеть в тылу, когда с поднявшегося в небо дракона уже видны стены роденийской Цитадели?

– Отправь приказом.

– Ещё хуже.

– Почему?

Лорд-протектор нервно дёрнул щекой и горько усмехнулся:

– Потери среди дракониров в нашем тылу ещё больше. Вы думаете, великодушная мониа, я не приказывал? А теперь

сам не хочу этого делать – они пропадают бесследно.

– Что, совсем?

– Бесследно и означает совсем. Причины пока не выяснены, но посланные на поиск звенья тоже не возвращаются.

– Сколько?

– Пятьдесят четыре.

– Восемнадцать троек?

– Да, великодушная мониа. И если учесть, что меньше шести драконов одновременно не вылетают, то мы имеем дело с чем-то мощным и страшным.

– Тёмные не могли изобрести новое оружие?

– Могли, – согласился Эрдалер. – Но они бы в первую очередь использовали его при обороне своей столицы, а не отправили в забытые Благим Вестником предгорья. Тем более они не смогут протащить его незаметно на занятую нашими войсками территорию – судя по результатам, это что-то огромное и внушительное, гораздо больше пресловутых «Левиафанов».

Теперь настала очередь Императрицы поморщиться – расположенные у границы бронеходы попортили немало крови наступающей пиктийской армии, и лишь недостаток боеприпасов и кристаллов для двигателей заставлял экипажи сжигать железных черепашек и уходить с позиций. Тогда войска вторжения потеряли три с лишним сотни драконов, половину от общих потерь за всё прошедшее с начала войны время.

Позже это аукнулось и тем и другим – обозлённые импер-

цы не брали пленных, тем самым лишив себя возможности пополнять запасы энергии сразу после боёв. Пришлось вмешиваться и Высочайшим указом прерывать порочную практику, из-за чего до сих пор злобно косятся требующие места родственники погибших. Какая им разница, если взятые в плен роденийцы умрут чуть позже, но послужат правому делу?

– Твои источники могут как-то объяснить ситуацию, Филиорн?

Лорд-канцлер развёл руками, что выдавало крайнюю степень раздражения:

– Они не Благой Вестник, чьё учение верно и потому все-сильно. Мои источники – обычные люди, великодушная мотина, и не могут проникнуть в мысли Темного Властелина.

– Красного...

– Что?

– С некоторых пор он предпочитает называть себя Красным Властелином. Об этом твои источники не сообщили? – в голосе Элизии Пиктийской проскользнули нотки злорадства. – Что это может означать, Филиорн?

– Только одно – при очередном замещении у старика окончательно выбило остатки мозгов, – эрл предпочёл не заметить камня в свой огород, но не удержался от язвительности в адрес отсутствующего противника. – После этих замещений всегда что-то происходит. И в большинстве случаев очень неприятное для нас.

– Да, – согласилась императрица. – Я читала в «Хрониках Ильдара Безземельного» о временах, когда граница с тёмными проходила чуть ли не под окнами императорского дворца.

Лорд-протектор опять поморщился – в Пиктии не любили вспоминать о поражениях. Более того, упомянутые «Хроники» существовали в единственном экземпляре, и об их наличии в библиотеке Повелительницы знали не более пяти человек. Империя должна жить славой побед, тем более с появлением Благого Вестника, даровавшего Альбину Великому власть над драконами, дела удалось значительно поправить и выбить роденийцев с полуострова.

Что готовит это перерождение Тёмного Владыки? Какие беды принесёт он Империи? Собственно, уже принёс, если не лгать самому себе. И застрявшая в тот момент, когда всё предвещало победу, армия – наглядное тому подтверждение.

– Мы должны усилить бомбардировки Цитадели, великодушная мониа, – Эрдалер осторожно опустил сжатый кулак на столик, что обозначало сильный гнев. – Мы втопчем их в дикость!

– Разве имперские алхимики изобрели что-то похожее на гремучий студень, Филиорн? И почему я узнаю о таком важном событии в последнюю очередь?

– Нет, пока не придумали. Но разбрасываемые драконами железные стрелки с ядом не такой уж плохой заменитель – гремучий студень производит разрушения, а нам всё достанется нетронутым.

Хорошая мина при отвратительной игре... Алхимией занимались лишённые дара неудачники вроде вот этого пажа, и, несмотря на щедро сыплющееся золото, успехами они похвастаться не могли. Потом летели головы с плеч шарлатанов, опять выделялись значительные средства... чтобы через какое-то время история повторилась. И всё меньше находилось желающих отправиться на площадь Седого Утра после всего лишь пары лет беззаботной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.